СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCIX, № 5.

С. А. Ереминъ.

ОПИСАНІЕ
УЛОМСКАГО И ВАУЧСКАГО ГОВОРОВЪ
Череповецкаго уѣзда Новгородской губерніи.

ПЕТРОГРАДЪ.
Россійская Государственная Академическая Типографія.
1922.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.

Мартъ 1922 г.

Непремѣнный Секретарь, академикъ *С. Ольденбургъ.*

Р. В. Ц. № 1385.

Предисловіе.

Выпускаемое въ свѣтъ «Описаніе» начато и написано лѣтъ семь тому назадъ, еще на студенческой скамьѣ. Нѣкоторые отдѣлы работы въ свое время служили предметомъ сообщеній въ студенческомъ кружкѣ по «Изученію Живого Русскаго Языка» (при Петербургскомъ Университетѣ), ведшаго свои занятія подъ руководствомъ проф. Л. В. Щербы. Составленію настоящаго «Описанія» и опубликованію работы много содѣйствовалъ своимъ близкимъ участіемъ покойный нынѣ акад. А. А. Шахматовъ.

Признавая неизбѣжно связанные съ первымъ опытомъ погрѣшности и недостатки въ работѣ, какъ-то — допущенныя мѣстами нѣкоторыя излишнія разсужденія, нѣкоторую зависимость отъ образцовыхъ «Описаній» и пр., авторъ, кромѣ того, сознаетъ, что за семилѣтній промежутокъ времени, отдѣляющій изданіе отъ составленія работы, у него измѣнились и нѣкоторыя принципіальныя позиціи, съ которыхъ онъ тогда смотрѣлъ на развитіе и явленія народныхъ говоровъ и на мотивирующіе ихъ аргументы; тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился напечатать свою работу, не внося какихъ-либо измѣненій и дополненій, отчасти полагая, что приводимый имъ матеріалъ до сихъ поръ не утратилъ значенія, а, можетъ быть, и приводимыя имъ соображенія въ нѣкоторой части сохраняютъ интересъ, больше же, однако, по обстоятельствамъ, отъ автора независящимъ. Дѣло въ томъ, что печатаніе шло съ перерывами; послѣ перваго листа, вышедшаго въ кор-

ректурѣ лѣтомъ 1918 г., послѣдовалъ довольно значительный промежутокъ въ два года, когда стали набираться остальные листы; самъ авторъ въ это время находился въ провинціи и отрѣзанъ былъ отъ рукописи, чтобы могъ въ нее внести непосредственно тѣ или иныя измѣненія.

Въ значительной степени благодаря послѣднему обстоятельству, автору пришлось отказаться и отъ введенной имъ въ рукописи транскрипціи и нѣкоторыхъ условныхъ значковъ для обозначенія различныхъ фонетическихъ оттѣнковъ въ описываемыхъ говорахъ, хотя бы значка ´, свидѣтельствующаго объ раскрытіи звуковъ *о* и *е* и замѣнить его знакомъ простого ударенія. Конечно, лишало смѣлости настаивать на выдержаніи принятой транскрипціи и сознаніе общихъ тяжелыхъ условій типографскаго дѣла.

Авторъ.

1922 г. февраля 8 дня.
Петроградъ.

Описаніе „Уломскаго“ говора Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи.

Лѣтніе мѣсяцы 1915 года я рѣшилъ использовать для изученія народныхъ говоровъ. Послѣ предварительной бесѣды съ акад. А. А. Шахматовымъ, который далъ мнѣ необходимыя и важныя указанія въ дѣлѣ описанія народныхъ діалектовъ, и благодаря которому я получилъ небольшое пособіе отъ Академіи Наукъ, вопросъ рѣшенъ былъ въ окончательномъ видѣ. Для своего наблюденія я выбралъ говоры Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи въ мѣстностяхъ сосѣднихъ съ Весьегонскимъ уѣздомъ. Но обстоятельства времени вынудили меня перенести мое вниманіе нѣсколько глубже въ Череповецкій уѣздъ, верстъ на 40 отъ границы съ Весьегонскимъ уѣздомъ, и я занялся «Уломскимъ» говоромъ, тогда какъ сосѣдній съ нимъ и съ Весьегонскимъ уѣздомъ — «Ваучскій» говоръ, мною описанъ только въ общихъ чертахъ и приведенъ въ параллеляхъ къ наиболѣе существеннымъ и типичнымъ отклоненіямъ отъ говора «Уломскаго», да и касаться я буду только его фонетики.

Говоръ Уломскій. Общая оріентировка въ говорѣ.

Описанный мною «Уломскій» говоръ является типичнымъ для значительнаго круга деревень не только одной Уломской волости, но и другихъ сосѣднихъ съ ней. Точно и вполнѣ опредѣленно границу его мнѣ удалось установить только съ одной южной сто-

роны. Границей этой является лѣсная засѣка, которая отдѣляетъ «Уломскій» край отъ «Ваучскаго», граничащаго по рѣкѣ Мологѣ съ Весьегонскимъ уѣздомъ[1]). Что же касается границъ говора съ другихъ сторонъ, то онѣ пока являются для меня открытыми. [Подробно объ этомъ см. приложенную карту].

Особенно подчеркну, что описанный мною говоръ отличается вообще простотой, относительной ясностью и звуковой прозрачностью, въ особенности гласныхъ звуковъ. Что меня поразило, такъ это особенная тоника говора. Отъ самаго спокойнаго повѣствовательнаго разсказа вѣетъ какой-то строгостью, порой грубостью, съ оттѣнкомъ сердитаго ругательства. Я объѣхалъ довольно много деревень края, и это общее впечатлѣніе сердитости рѣчи меня не покидало, а все болѣе укрѣплялось и особенно по направленію къ сѣверной границѣ, мною обслѣдованной мѣстности, къ деревнѣ Верховью, гдѣ бранный, прямо таки страшный характеръ рѣчи крестьянъ поразителенъ.

Основу описанія я собралъ у трехъ лицъ: у 67-лѣтней старухи изъ деревни Верховья — «Марьи Митрёвны Кулевой», у 22-лѣтней дѣвицы «Татьяны Ивановны Гогиной» изъ деревни Рязань и у 57-лѣтняго крестьянина деревни Спирово — «Лазаря Ивановиця Спирина». Лазарь Спиринъ по профессіи былъ кузнецъ, натура веселая, поэтическая, словоохотливый, любитель пошутить, къ тому же страстный охотникъ и рыбакъ, и имѣетъ сравнительно богатый запасъ словъ. Что же касается Марьи Кулевой изъ деревни Верховья и Татьяны Гогиной, такъ онѣ мнѣ служили какъ бы для контроля въ нѣкоторыхъ явленіяхъ и выводахъ, касающихся жизни нарѣчія. Правда, до своего замужества Марья Кулева жила въ другой деревнѣ и волости, но, проживши потомъ 45 лѣтъ въ Верховьѣ, Кулева усвоила себѣ всѣ особенности этого самаго глухого мѣста изъ всей Уломы, мѣста, на которомъ менѣе всего отразилось какое-либо внѣшнее

1) Улома и Ваучь — мѣстности, расположенныя по рѣчкамъ Уломка и Ваучь, въ юго-западной части Череповецкаго уѣзда.

вліяніе, такъ какъ его съ одной стороны окружаетъ мохъ, а съ другой лѣсъ, черезъ который сравнительно недавно только проложена дорога въ Улому. Недаромъ чистые «уломцы» говорятъ про Верховье, что «оно находится въ трехъ верстахъ отъ ада».

Въ изслѣдованіи тонкихъ и трудныхъ вопросовъ описанія я не претендую на научность и законченность, тѣмъ болѣе, что у меня подъ руками не было никакихъ приборовъ для изученія звуковъ, и я полагался исключительно только на свой слухъ.

ЧАСТЬ I. ФОНЕТИКА.

§ 1. Гласные — обозначеніе и характеръ ихъ.

Въ изслѣдуемомъ говорѣ главная и отвѣтственная работа падаетъ на гласные звуки, тогда какъ согласные склонны не такъ часто проявляться и не отличаются вообще отдѣлкой и выработанностью. Языкъ говора въ общемъ артикулируетъ болѣе задними частями, если не считать часто встрѣчаемую палатализацію согласныхъ. Участіе губъ довольно умѣренное и неэнергичное; въ связи съ этимъ лабіализація «о» и «u», хотя и окающаго говора, но развита не въ крайней степени. Гласные не назалируются; правда въ словѣ D'ų́ńka (Дунька) мнѣ удалось подмѣтить назалированное «ų», но я его считаю просто ослышкой.

Для передачи гласныхъ звуковъ въ описываемомъ говорѣ употребляются слѣдующіе знаки:

а, ä, ја; ó, о, ö, јо; u, ü, јu; у, é, е, је, і, ј.

а — гласная задняго ряда, открытая.

ó, о — гласныя задняго ряда, среднія, лабіализованныя.

u — гласная верхняя, задняго ряда, лабіализованная.

у — гласная верхняя задняго, больше средняго ряда.

í, і — гласныя передняго ряда, верхнія.

é, е — гласныя передняго ряда, среднія; при чемъ первое болѣе верхнее узкое, палатальное и близкое къ «і», а второе болѣе открытое и широкое.

Въ азбукѣ описываемаго говора, при условіи фонетическаго

правописанія, необходимо допустить также звуки ä, ü, ö; ü и ö въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ i̯ неслоговое послѣ ударенія пропадаетъ передъ «u» и «o» — znáüt, s'm'éüt, nad'éüs' и т. под.; при тѣхъ же условіяхъ, послѣ ударяемаго «a» неслоговое i̯ пропадаетъ въ закрытомъ слогѣ передъ «e», допускающемъ переходъ неударяемаго «e» въ «ö», такъ напр., znáeš, znáöš, или ä вмѣсто i̯a въ словахъ zat'éä, pos'íät' при pos'éät' и подобн. (подробно объ этомъ см. § 6).

i̯a, i̯o, i̯u, i̯e — гласныя іотированныя (см. § 6).

j — знакъ, соотвѣтствующій «й» и «ь» «ъ» въ срединѣ словъ (s'em'já).

Что касается значка ´ надъ гласными ó, é, í, то онъ обозначаетъ ударныя гласныя и вмѣстѣ показываетъ ихъ природу подъ удареніемъ, которое возрастаетъ въ нашемъ говорѣ «crescendo», и которое нѣсколько вытягиваетъ гласную, раскрывая ее. Въ сущности слѣдовало бы этимъ значкомъ снабдить всякую ударную гласную, но, чтобы не затруднять транскрипцію, я употребляю его надъ ó, é, í, т. е. надъ такими гласными, передняго и задняго ряда, которыя наиболѣе типично раскрываются смысломъ этого значка и наиболѣе полно его требуютъ (см. § 2).

Описываемый говоръ относится къ вѣтви сѣверно-великорусскаго поднарѣчія. Главными чертами своими онъ можетъ считать полное сохраненіе древняго неударяемаго «o» и сохраненіе древняго ударяемаго «a» безъ измѣненія. Рѣдкіе кажущіеся случаи «аканія» въ говорѣ либо относятся къ заимствованіямъ изъ акающихъ говоровъ и книжнаго языка или существовали съ a еще въ древности, какъ-то: saldát, kanf'éty, karáp, Ras'éä и т. п.; точно также наблюдаемые robóta, poróm и др. сохраняютъ древнее o, а не переходъ a въ o.

Изъ гласныхъ задняго ряда «a» нашего говора не задержитъ надолго вниманія изслѣдователя. Оно вообще сходно съ a литературнаго языка. Въ ударяемыхъ и закрытыхъ слогахъ оно звучитъ болѣе или менѣе «напряженно» съ замѣтной количественной разницей сравнительно съ открытымъ и безударнымъ a; такъ

напр., dát', krás', váš, tkát', grát' kabát'c'ik и т. д. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, его можно назвать «ненапряженнымъ» и сопоставить съ «нормальнымъ» а литературнаго языка, только болѣе устойчивымъ и въ безударныхъ слогахъ, такъ напр., gor'-kája, skat'ít'c'i, nazábol'šnoj (настоящій), támo, grad'ína, dušá, karáp, anbár, báuška (баўшка), babúška (игрушка, бабу́шками назыв. также васильки), krap'iva и т. д.

Чистая природа гласной о закрытаго звука выявляется въ словахъ, начинающихся съ ударнаго ó, такъ напр., ótrup, óz'oro, óboloko, ós'en', ól'xa и т. п. Въ такомъ положеніи о несомнѣнно «напряженнаго» образованія, особенно Верховскій источникъ, и количественная разница его съ о «ненапряженнымъ» легко уловима; гласная здѣсь какъ будто вытягивается, а восходящая сила ударенія вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько раскрываетъ ее.

При тѣхъ же условіяхъ, еще болѣе съ закрытымъ оттѣнкомъ произносится ó въ закрытыхъ слогахъ такихъ словъ какъ: pól, lóp, kót, kón', krót, móx, tórx, sxót, xót, xóš, gospót', paraxót, pót, dóp, p'erók, nók, markóf, l'ubóf, rós, róp, bóp и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и въ выше приведенныхъ — óz'oro, ótrup, ós'en' и др., гласная ó имѣетъ высшій «собственный тонъ» сравнительно съ о.

Такая гласная заднеязычная артикуляція и составляетъ ядро упоминаемыхъ здѣсь слоговъ для закрытой и напряженной ó. Вотъ почему надъ ó я и употребляю символическій значокъ въ видѣ черты снизу и слѣва, вверхъ и направо.

Такимъ образомъ о въ подобныхъ условіяхъ, зафиксированное въ своей конечной произносительной стадіи, становится тѣмъ «круглымъ» о, которое встрѣчается во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда оно находится не подъ удареніемъ, или въ открытомъ слогѣ, даже когда оно ударное и оканчиваетъ слово, какъ напр., sl'epój, kol'osó, molokó, davnó, rovnó, rožestvó, kovó, tovó, c'övó, bol'šój, kosój, žonój и т. д. Въ этихъ случаяхъ, хотя «о» и остается закрытымъ, но уже звучитъ ненапряженно, при чемъ

гласную слога здѣсь слѣдуетъ опредѣлить, какъ такую артикуляцію, которая однообразна сначала до конца.

Однако не представляется возможнымъ сгруппировать всѣ найденные случаи съ ó, кромѣ уже отмѣченныхъ и тѣхъ общихъ условій, что въ неударяемомъ слогѣ ó вовсе не встрѣчается; далѣе, повидимому, ó не могло развиваться изъ 'о, явившагося на мѣстѣ древняго е въ извѣстныхъ положеніяхъ, какъ m'ót, c'öl (пчелъ), s'ol, mojój, o-fs'óm, fs'ój, pojóš и т. д., слѣдовательно, не встрѣчаемъ ó и послѣ палатальной согласной.

Нельзя предполагать и того, чтобы ó развилось изъ стараго ъ, потому что на ряду съ такими словами какъ pól, tórx, móx, kót, lóp, dóp, kól и др., гдѣ стояло въ старину ъ на мѣстѣ современнаго о, мы встрѣчаемъ такое ó въ словахъ ǫl'xa, ós'en', ótrup и т. д., въ которыхъ ъ на мѣстѣ нашего ó предполагать никакъ нельзя, или во флексіи существованіе ó въ закрытомъ слогѣ въ такихъ формахъ какъ: snóx, nók, kós, vnógo n'ekrutóf, muźykóf, sapogóf и т. д., а въ такихъ словахъ какъ vóspa, vóstroj и т. д. о звучитъ ненапряженно.

Изъ этого краткаго очерка о природѣ гласной «о» описываемаго говора можно усмотрѣть, что «Уломскій» говоръ, допуская аналогію въ образованіи и употребленіи «напряженнаго» ó съ «Тотемскимъ» говоромъ, въ значительной степени раздвигаетъ обзоръ той рамки, внутри которой существуетъ «напряженное» о въ Тотемскомъ говорѣ; таково ó въ началѣ слова: ótrup, óz'oro, ódal, ós'en', ófc'i и т. под., на мѣстѣ стараго ъ въ срединѣ слова: lóp, róf, dóš, móx, són и т. д. Сравн. ó чистое въ нашемъ говорѣ съ сильно выраженнымъ «дифтонгическимъ» ṷô (pṷôl, takṷôf и т. д.) «Тотемскаго» говора (см. Брокъ, Описаніе Тот. гов. въ Сб. И. Ак. Н., т. 83, §§ 5 и 14).

Третья гласная задняго ряда «у» въ описываемомъ говорѣ не различаетъ какой-либо категорической разницы съ языкомъ

---

1) См. Брокъ. Описаніе одного говора изъ юго-западн. части Тотемскаго уѣзда. Сб. Отд. р. яз. и сл. Им. Ак. Н., т. 83,50.

литературнымъ. Вообще ее нужно признать узкою гласною, допускающей разные оттѣнки въ зависимости отъ окружающихъ, особенно предшествующихъ согласныхъ. Но и при этомъ условіи природа этой гласной не допускаетъ какихъ либо особенныхъ различій, хотя бы съ «Тотемскимъ» говоромъ (см. Брокъ 13 стр. ibid.), развѣ только слѣдуетъ указать на то, что звукъ «y» послѣ плавныхъ l, r имѣетъ почти одинаковую иннервацію съ «u», «o»: сравн. bárošn'a, mólyn'ja, mólon'ja, mólun'ja, гдѣ неударяемое y послѣ l, r легко сбивается на звуки u, o. Зато въ такихъ случаяхъ — žyt', šyt' — «y» двигается впередъ подъ вліяніемъ слѣдующей палатализаціи и послѣ «шипящихъ», и образуется чуть ли не на границѣ гласныхъ «передняго» ряда.

О напряженности гласной «y» можно говорить только тогда, когда она встрѣчается въ закрытыхъ слогахъ и подъ удареніемъ, такъ напр., býl, výl, pýl, sýt и т. под., да и то не въ абсолютномъ смыслѣ.

Изъ обозрѣнія гласныхъ фонемъ говора въ разныхъ положеніяхъ явствуетъ, что самою устойчивою и самой неподвижной на обезличивающее вліяніе ударенія является фонема «u». Нашъ говоръ не различаетъ въ ней опредѣленныхъ категорій, развѣ только неударяемое «u» имѣетъ иногда настолько ослабленную иннервацію, что въ извѣстныхъ случаяхъ его можно опредѣлить, какъ «ненапряженное», а въ единичныхъ случаяхъ это ослабленіе даетъ — u°gur'éc', u°kurátno, u°kun'ís' и т. п., въ которыхъ положеніе языка приближается къ гласной «o».

Единственный случай съ краткимъ u̯ въ словѣ báu̯ška, связанный съ опущеніемъ цѣлаго слога «bu», я не ставлю въ счетъ.

Изъ гласныхъ передняго ряда, высокая гласная «i» въ описываемомъ говорѣ допускаетъ два замѣтныхъ оттѣнка. Подъ удареніемъ она всюду звучитъ напряженно. Въ словахъ v'ítko (видно), ov'ín, ínac'e, íva, nap'íšom, pros'íl, l'ípa, m'íloj, od'ínac'et', n'ízovoj и под. — «i» высокое твердонебное. Но въ словахъ — xoíl, voíl, loíl, zadaíl и т. д., вообще, когда оно стоитъ послѣ пропущеннаго губного или зубного, оно, сравнительно съ обычнымъ,

занимаетъ болѣе низкое положеніе и звучитъ менѣе палатально. Къ обычному своему положенію въ этомъ случаѣ оно возвращается въ закрытомъ слогѣ, оканчивающемся палатальнымъ взрывнымъ, какъ-то: xoít', loít' и т. д.; въ индивидуальныхъ случаяхъ, въ томъ положеніи можно было различать призвукъ, зубного — xoᵃít', но губного не появлялось. Въ описываемомъ говорѣ «i» находимъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и въ литературномъ языкѣ — zvon'ít', spust'ílaś, ostr'ík, kr'ínka etc.; кромѣ того — на мѣстѣ стараго ѣ: z'd'ís'a, z'd'ís', s'ím'a, gr'íšn'íc'a, s'm'ís', v'ín'ík, s'ít' (сѣть) vm'ís't'e, pos'p'íl'i, n'ed'íl'a, ср. b'is'étka и т. д.; но эти слова немногочисленны, и подробнѣе объ нихъ въ связи съ гласной e.

Второй гласной передняго ряда является é, e. Послѣ ударяемаго слога всегда находимъ обыкновенное открытое, ненапряженное «e», напр., f-tom bolo't'e, pós'l'e, pó r'ek'e, po'g'íb'el', a ịá et', даже v'íd'al (íd'äl) по аналогіи съ «взялъ» и подобными. Передъ ударяемымъ слогомъ, въ положеніи передъ твердой согласной встрѣчаемъ тоже ненапряженное «e» — c'v'etnój, r'ed'óxon'ko, l'efšá, r'eká, s'n'egá, b'egú, z'eml'á, p'eškóm, даже b'ažýš, poeᵃžd'áj и т. д. Передъ мягкой согласной въ слогахъ передъ удареніемъ находимъ e болѣе узкое, палатальное (eⁱ), склонное, въ немногихъ словахъ даже развившееся въ «i»; примѣры: str'il'át', s'im'ená, od'ịálo, m'in'át', c'id'ít'. Въ ударяемомъ слогѣ опять нужно различать положенія передъ «мягкой» и «твердой» согласной. Въ первомъ случаѣ é всегда узкое, напряженное, въ нѣкоторыхъ словахъ развившееся прямо въ «i» — s'ít', s'ím'o, ís' (ѣсть), s'ív'erko, zd'ís', vm'ís't'e, pos'p'íl'i, n'ed'íl'a, um'íöš; даже gr'íšn'ic'a, zd'ílaŭ, но примѣры эти однако такъ немногочисленны, что въ нихъ i вмѣсто é — или явленіе случайное, заимствованное изъ сосѣднихъ говоровъ, или представляетъ остатокъ прежней звуковой картины, когда-то бывшей въ говорѣ, или явленіе чисто фонетическое, скорѣе то и другое, но объ этомъ ниже. Здѣсь же кстати будетъ оговориться, что въ нашемъ говорѣ такія слова съ «i» вмѣсто «e» употребляются больше стариками, и Верховскій

источникъ ими богаче, нежели Спировскій. Но все-таки гораздо чаще, и пожалуй исключительно, какъ правило, передъ «мягкой» согласной въ ударяемомъ слогѣ мы находимъ é съ особенно узкой, передней артикуляціей, приближающейся къ «i»: l'én' (l'ín'), s'és't'i, s'én'i, fstr'éc'ä, l'éz'oš, pov'é[i]s'it', p'ét', kon'éc', na étom l'ét'e, skor'éje, d'én', dv'ér' и т. д.

Напряженнымъ придется считать «é» въ ударяемомъ слогѣ и передъ твердой согласной, и въ концѣ слова; правда, здѣсь оно будетъ не такимъ узкимъ и закрытымъ. Примѣры тому многочисленны въ разныхъ морфологическихъ формахъ: s'id'éla, m'éra, kr'és, b'éloj, n'ev'éska, xl'ép, l'ésom, d'édo, s'n'ék, s'm'éla, ob'édat', r'étkoj, l'éto, d'éfka, or'éx, ott'éx, m'élko, t'el'éga, man'éta, m'in'é, t'ié, fs'é, dv'é, on'é, c'ép, r'ézvoj, rotoz'éj, jém, jéš, jéxat', иногда jétot, on'étot и т. д. Весь фактическій матеріалъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что é идетъ по пути раскрытія. Здѣсь мы находимъ полную аналогію съ развитіемъ и движеніемъ гласной фонемы ó, почему ударяемое и напряженное é мы снабжаемъ тѣмъ же значкомъ, что и ó. На основаніи сказаннаго о развитіи гласной é можно предположить, что въ жизни говора былъ когда-то моментъ, когда на мѣстѣ стараго узкаго и долгаго é въ закрытыхъ слогахъ вездѣ стояло i; что é въ нашемъ говорѣ вообще по природѣ своей близко къ i, можно видѣть хотя бы изъ того, что мы и въ настоящее время имѣемъ рядъ словъ: zdís', s'ít', s'ív'er и s'ív'or, xm'íl', umíü, p'ixát', s'ic'ás, v'ín'ik, s'm'ìál'is'— s'm'iál'is', k'íl'ja и т. д., въ которыхъ, при благопріятныхъ для сего случая обстоятельствахъ, é узкое развилось въ i, а послѣ распространилось по аналогіи и на другіе случаи. Подъ благопріятными обстоятельствами я разумѣю положеніе узкаго é въ закрытомъ слогѣ между палатализованными согласными (zd'ís')...

А что это i на мѣстѣ стараго долгаго é остатокъ когда-то бывшей звуковой картины, а не нарождающееся вновь явленіе, такъ это подтверждается стремленіемъ къ раскрытію всѣхъ узкихъ гласныхъ въ современной жизни говора.

Чтобы покончить съ основными гласными говора, слѣдуетъ

отмѣтить, что е въ началѣ словъ произносится почти какъ исконное славянское, т. е. съ j̯ впереди: j̯évo d'e, j̯édak, j̯éxat', по poéxal, j̯étot, j̯és' (есть); j̯ém, j̯él' (ель) и т. д. (См. § 6).

§ 2. Объ удареніи и интонаціи рѣчи.

Не менѣе существеннымъ моментомъ въ нашемъ говорѣ является вопросъ объ удареніи, и это тѣмъ болѣе важно, что главная и отвѣтственная работа падаетъ на гласные звуки. Въ любомъ словѣ, независимо отъ характернаго тона гласнаго, ударная гласная выше послѣударной по крайней мѣрѣ на нѣсколько тоновъ; такъ напр., въ такихъ словахъ какъ t'át'ka$_{4\ 1}$, poés'ila$_{4\ 1}$ и т. п., если мы условно обозначимъ тонъ ударнаго слога цифрой 4, то непосредственно за нимъ слѣдующій слогъ будетъ имѣть ударенія на 1. И въ слогахъ передъ удареніемъ можно отмѣтить эти черты, только въ меньшей степени. Такъ, сопоставляя «а» перваго и второго слоговъ въ словахъ tkalá$_{2\ 4}$, gnalá$_{2\ 4}$, šalá$_{2\ 4}$ и др., можно отмѣтить, что неударяемое «а» въ отношеніи къ ударяемому, хотя и не выказываютъ оттѣненія въ направленіи къ «о», все же замѣтно ослабляетъ артикуляцію. И если мы условно обозначили состояніе ударной гласной и гласной непосредственно за ней слѣдующей отношеніемъ 4 : 1 или 4 : 0, такъ здѣсь придется обозначить отношеніемъ 4 : 2. Больше всего подвергаются ослабленію въ артикуляціи гласныя задняго ряда, а изъ нихъ «о». Такъ въ словахъ kórop$_{4\ 0}$, górot$_{4\ 0}$, bógátoj$_{4\ 0}$, lóvok$_{4\ 1}$, výšyto$_{3\ 0}$, bábam$_{3\ 0}$ и др., гласныя слоговъ послѣ ударенія значительно ослаблены сравнительно съ тѣми же звуками ударяемаго слога. Но не всюду эта склонность развивается одинаково сильно, и направленіе этого передвиженія гласной къ «нулю» послѣ ударяемаго слога зависитъ до извѣстной степени отъ характера окружающихъ звуковъ. Если мы условно, въ такихъ словахъ, какъ xórom$_{4\ 0}$, górot$_{4\ 0}$, kórop$_{4\ 0}$, j̯étot$_{4\ 0}$ и т. п., глухой гласный примемъ за «нуль» въ аккустическомъ смыслѣ, хотя въ нашемъ говорѣ гласныхъ нулей не наблюдается вовсе, то въ словахъ róbok$_{4\ 1}$, lóvok$_{4\ 1}$, dólok$_{4\ 1}$ и под., его придется принять за еди-

ницу. Для «а» такой оттѣнокъ будетъ въ словахъ ḋá$_{4}$ma$_{1}$m, ḃá$_{4}$ḃa$_{1}$m и т. д. Въ гласной «у» также замѣтны слѣды подобнаго ослабленія артикуляціи послѣ ударенія: ká$_{3}$ḃy$_{0}$, vý$_{4}$šy$_{0}$to, ḋó$_{4}$ny$_{1}$ško, даже ḃó$_{4}$rzy$_{0}$m, b'er'ó$_{4}$zy$_{0}$n'ka и т. д.[1]). Я не буду подробнѣе останавливаться на этомъ явленіи измѣненія природы и тона гласныхъ въ связи съ удареніемъ, не буду приводить примѣровъ на слабѣйшіе слоги съ гласными передняго ряда, какъ-то съ «i», «е» (См. § 1); также не буду выяснять отношенія тоновъ предударнаго и ударнаго слоговъ, тѣмъ болѣе, что эти явленія для «Уломскаго» говора не являются исключительными и оригинальными, а раздѣляются всѣмъ русскимъ языкомъ[2]). Все дѣло въ оттѣнкахъ, насколько ослаблены неударные слоги, а это ослабленіе въ нашемъ говорѣ весьма значительно. Выдыхательная сила, разсчитанная на цѣлое слово, почти вся поглощается ударностью слоговой части, лишая слѣдующій за удареніемъ слогъ совсѣмъ его звучности, этотъ послѣдній только намѣчается въ артикуляціи, и произносится хотя съ полной звуковой окраской, но безъ всякой экспираціонной энергіи. Экспираціонная верхушка главнаго ударяемаго слога въ словѣ бываетъ такъ высока, что лишаетъ и предударный слогъ въ значительной степени его напряженія. Она же обостряетъ слоговыя усилія словъ, придавая имъ какъ бы выдыхательные толчки, нажимы и порывы. Особенно показателенъ съ этой стороны былъ Верховскій источникъ, тогда какъ Рязанскій обладалъ замѣтно ослабленной артикуляціей; вообще женщины, насколько мнѣ удалось наблюдать, отличаются замѣтно вялой и малоподвижной артикуляціей.

Слѣдствіемъ этой поглощающей силы размаха ударнаго слога являются, мнѣ кажется, два факта въ нашемъ говорѣ: усиленное употребленіе мѣстоименныхъ членовъ и впечатлѣніе второго уда-

---

1) Также у Брока, ср. 12 стр. Описанія Тотемск. гов.

2) См. объ этомъ: Бодуэнъ-де-Куртенэ. Введеніе въ языков., литограф. курс.; 4-е изд. и др. общіе курсы А. А. Шахматовъ. Русск. и словенск. аканіе.

ренія въ длинныхъ словахъ, и, конечно, само собой—правильное удлиненіе ударяемаго слога болѣе или менѣе въ зависимости отъ эмфаза.

1) Ударность такъ раскачиваетъ рѣчь, такъ выноситъ ударяемые слоги изъ общаго строя музыкальнаго и тональнаго настроенія, экспираціонная волна изъ легкихъ такъ ударяетъ въ натянутыя голосовыя связки, что голосъ при своемъ паденіи прямо-таки ищетъ точки опоры. Такой опорой для словъ и служатъ мѣстоименные члены, которыхъ въ описываемомъ говорѣ можно найти достаточно въ большомъ количествѣ. Ихъ необходимость чувствуется особенно, когда удареніе въ словѣ падаетъ на послѣдній слогъ:—c'övó vz'át'-ta, kudy xoíl-ta (xod'íl), a ȷ̇ón-to, ot'éc'-ot, otól'-ta и т. д. Съ той же точки зрѣнія они объяснимы здѣсь и при другомъ положеніи ударенія въ словахъ: u-d'er'évn'i-ta, kól'ko vr'ém'a-ta, p'érvo-to, P'ótro-ta, c'övó ím'oš d'élat'-ta и т. д.

Кромѣ этой чисто механической роли, мѣстоименный членъ въ значительной мѣрѣ сглаживаетъ и растяженіе ударныхъ гласныхъ.

2) Точно также въ особенныхъ условіяхъ тона ударныхъ слоговъ заключается и второе явленіе въ изслѣдуемомъ говорѣ, касающееся второго ударенія. Такъ, если послѣ ударяемаго слога имѣется въ словѣ больше одного слога, то легко развивается второстепенное удареніе, экспираціонная сила котораго приближается къ силѣ слога подъ главнымъ удареніемъ. При чемъ изъ ряда примѣровъ мнѣ удалось замѣтить такое правило: многосложное слово, начинающееся ударнымъ слогомъ даетъ второе удареніе той же силы на третьемъ слогѣ отъ перваго ударенія: v*ý*t'er'eb'il'*í*, v*ý*tašt'il'*í*, k*ó*lokol*ó* и т. д., а трехсложное на второмъ: z'*é*l'en*ó*, ȷ̇*á*blok*ó*, mál'en'k'í и т. п.; при чемъ въ такихъ случаяхъ второе конечное удареніе сильнѣе перваго и раздваиваетъ массу гласнаго звука: o͞o, i͞i въ такомъ приблизительно видѣ.

Если слово начинается неударнымъ слогомъ и слогомъ, содержащимъ долгую гласную «напряженную» или открытую, то вто-

рое удареніе появлялось на второмъ слогѣ отъ ударнаго r'ed'*ó*xon'koj, ƅog*á*tyí, ox*ó*t'ilsý и т. д. При чемъ двойное удареніе мнѣ приходилось отчетливо наблюдать только въ отдѣльныхъ словахъ, а не въ цѣлой фразѣ. Отмѣченные случаи, какъ výt'er'eƅ'íl'i l'ón, no *ó*n *o*doxn*ú*l и т. п. въ значительной степени осложняютъ вопросъ о второмъ удареніи, такъ какъ въ нихъ на видъ сложнаго слова вліяетъ удареніе несложнаго, рядомъ стоящаго.

Нѣкоторой особенностью нашего говора является движеніе тона въ ударяемыхъ слогахъ. Такъ, внутри самаго ударяемаго слога замѣчается нѣкоторая склонность къ извѣстному повышенію тона, при чемъ экспираціонную силу слѣдуетъ характеризовать въ спокойномъ повѣствовательномъ выраженіи — возрастающей; такимъ образомъ «верхушка» слога въ нашемъ говорѣ находится въ конечной части гласной, которая, кстати сказать, нѣсколько вытягивается и удлинняется (См. § 1), напр., pol'isát, ídno (видно), stánu и т. п.

Восходящій тонъ внутри ударяемаго слога находится и при слитіи двухъ слоговъ въ одинъ, въ случаяхъ какъ ƅyvát, s'jét, zaoƅolác'ivát и т. д. Изъ ƅyvaet, s'íet, zaoƅolác'ivaet, и въ открытомъ слогѣ.

Въ вопросительныхъ или сомнѣвающихся выраженіяхъ распредѣленіе экспираціонной силы въ слогѣ не носитъ постояннаго характера: c'övó?, c'övò?, хотя примѣровъ больше на первый случай; также въ краткомъ діалогѣ: t'opló? — n'e xólodnō̃; при чемъ въ словахъ xólodnō̃, kórotk… и под., послѣднее о выше по тону перваго ударяемаго и выбрасывается съ большей силой: видимо въ нихъ динамическое удареніе совпадаетъ съ тоническимъ.

Что же касается распредѣленіе тона въ словахъ и цѣлыхъ фразахъ, то условная картина тона въ такихъ словахъ какъ posmotr'í и под., принимаетъ такое изображеніе po smo tri, т. е. съ самымъ низкимъ тономъ второго слога и съ самымъ высокимъ въ третьемъ слогѣ, а не такое po smo tr'i, какое констатировалъ пр. Брокъ для Тотемскаго говора[1]). Нѣсколько дру-

1) См. Брокъ. Описаніе, стр. 20.

гое движеніе принимаетъ тонъ въ повѣствовательномъ разсказѣ; случайно взятая фраза изъ разсказа — c'er'es kobýlu skakál'i рас-
2 2 1 4 1½ 2 4 1½
предѣляетъ тонъ по схемѣ:

$$\overline{2}\ \overline{2}\ \overline{1}\ {}^{\overline{4}}\ \overline{1^{1}/_{2}}\ \overline{2}\ {}^{\overline{4}}\ \overline{1^{1}/_{2}}$$

Итакъ, ударность и длительность гласныхъ въ ударяемыхъ слогахъ, оттѣняющая еще болѣе мгновенность рядомъ стоящихъ особенно палатальныхъ согласныхъ и краткость гласныхъ неударныхъ, выдѣленіе второстепеннаго ударенія въ связи съ порывистымъ экспираторнымъ разряженіемъ, частое употребленіе опорныхъ взрывныхъ въ видѣ мѣстоименныхъ членовъ, гласныя которыхъ прерываются рѣзко, почти внезапнымъ замыканіемъ голосовой щели, наконецъ, сохраненіе рѣзко обозначеннаго «о»,— все это вмѣстѣ взятое и придаетъ рѣчи особую интонацію, оставляетъ впечатлѣніе разсѣченности, порывистости, граничащей съ сердитой строгостью. Къ этому слѣдуетъ прибавить чеканность, рубленность и мѣрность общаго строя фразы, обусловленную одинаковымъ промежуткомъ времени, протекающимъ между удареніями въ словахъ независимо отъ количества слоговъ. Въ такихъ фразахъ, какъ—kól'ko vr'ém'a-ta; toskl'ívo l'ežát'-ta f-kutú-ta | v-uglú-ta | s'id'ít; | (3 паузы), прямо чувствуется естественный ритмъ, стихотворный размѣръ хорея и ямба, такъ какъ въ нихъ слова правильно чередуютъ краткую съ ударной долгой. Въ предложеніяхъ же, взятыхъ изъ повѣствовательнаго разсказа: — n'e ujd'ót | govor'át[1]) ǝt' | nap'isát'-ta; | c'övó-ty | govor'íš-ta | и т. д., хотя количество слоговъ неодинаково между удареніями, но единица времени отъ ударенія до ударенія здѣсь одна и та же; иначе говоря, первые три слога въ послѣдней фразѣ произносятся въ одинаковый промежутокъ времени со вторыми четырьмя слогами; слоги go—vo во времени произносительнаго исполненія соотвѣтствуютъ слогу c'ö, выговариваются они поспѣшнѣе и два

1) ǝ въ этомъ положеніи совсѣмъ не палатальное, широкое.

исполняются въ единицу времени одного, благодаря чему и получается впечатлѣніе правильнаго чередованія такта и размѣренности строя рѣчи.

Само же удареніе въ описываемомъ говорѣ занимаетъ самое разнообразное мѣсто и положеніе, поэтому строго обязательнаго правила здѣсь установить нельзя, тѣмъ болѣе, что въ говорѣ замѣтно выступаютъ слѣды второго ударенія, и что на ударенія вообще вліяетъ настроеніе самой фразы...

§ 3. О согласныхъ. Къ характеристикѣ губныхъ и зубныхъ.

Согласныя, какъ я уже выше упомянулъ, въ описываемомъ говорѣ не отличаются выработанностью и отдѣлкой и при всякомъ удобномъ случаѣ ослабляются въ произношеніи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ больше всего выпало на долю фрикативныхъ губныхъ и зубныхъ; но при всемъ томъ, описываемый говоръ не представляетъ въ артикуляціи согласныхъ крупныхъ принципіальныхъ различій отъ образованнаго русскаго языка. Укажемъ самыя общія случаи отклоненія въ произношеніи согласныхъ.

V — нормально, чисто губно-зубное, съ неакуратнымъ произношеніемъ и артикуляціей. Мой матеріалъ не позволяетъ сказать что-либо опредѣленнаго объ участіи верхней губы въ его произношеніи и объ отношеніяхъ и переходѣ «V» въ «W»; скорѣе всего, что чистая губно-губная длительная W въ нашемъ говорѣ ясно не различается совсѣмъ, и если встрѣчается, то только спорадически. Зато лабіализація, переданная отъ слѣдующей гласной «u», всегда предупреждала «v» (w) и оно терялось въ произношеніи такихъ словъ, какъ vdoú (вдову), zoú (зову), n'e zoút, gólou (голову), d'éuška, r'eún (ревунъ), loúška и др., допуская даже зіяніе. Не встрѣчается v и въ такихъ случаяхъ, какъ: samoár, skvós' s'u (всю) ós', ẏmoju (вымою), núk-ot (внукъ), íš (видишь), aršáva, s'ivolót, izloíl'i, dugr'ienoj, zábol'šnoj (настоящій — взабольшной), motoílo, stáim, uezl'í, tẏ ét' (вѣдь), ráz'e (развѣ), zdrástuj, nutr'enöj, takós'koj, nastr'éc'u, zdúmat, óskr'is'én'jo, oen'ikóf, do éc'öra, c'oloék, dáec'i, lóät, loí, postáit', zanaésk'i,

pr'iez'ót, n'e ídyval, n'e slatko ídno žýt'-ta, хотя v'ítko, oz'mót, zoút-ta, výolokl'i (вытащили), zaorác'ivat, ertušok (вертушокъ-запоръ), na-smór'e (на взморьѣ), rukaí'ca, dva edra, pr'ibáila, n'e ížu et', razdaíl, om̃'ela ín'ikom (вѣникомъ), ustáit' sóxu (направить), žuraík'i (клюква), naivát' и т. д. Ср. kabýt'o (какъ будто) и др.; хотя vóspa, vóstroj, tovdý, kovdý, tvoevó, našova, dóbrova и т. п. Губно-зубная длительная согласная «v» при потерѣ голоса переходитъ также въ губно-зубное «f»: l'isaf'éta, oftór'n'ik, rakóf, l'ubóf и т. д.; отвердѣнія губныхъ въ концѣ слова говоръ не знаетъ совсѣмъ. Нѣкоторую аналогію съ развитіемъ губно-зубной согласной v находимъ въ развитіи d. Въ положеніи передъ гласными передняго ряда зубной согласный d часто не выговаривается. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо проще въ такихъ словахъ, какъ gl'eí, poxóim, góspoi, d'áina (дядина) roñ'ík, ñ'óm-t'e, laño, pojóm-t'e, prajóm и др. — перейти отъ артикуляціоннаго установленія одной гласной къ другой, не вызывая зубного шума. (Рязанскій источникъ въ особенности), хотя отмѣчены такіе случаи, какъ zdr'a, uroždáj, ndraf. При чемъ въ такихъ словахъ, какъ gl'ei, xoíl, d'áina и под., хотя зубная не произносится, ее предупреждаетъ јотація гласной, но всетаки какъ бы получается легкій оттѣнокъ «d»; зато въ такихъ случаяхъ какъ pr'ajom, pojóm-t'e и под. неслогообразующая согласная—j стоитъ всегда на мѣстѣ зубного «d».

§ 4. Согласныя «шипящія».

Особенности нашего говора въ отношеніи къ «шипящимъ» будутъ заключаться прежде всего въ томъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ такихъ «шипящихъ» образованнаго русскаго языка, какъ «щ», «ц», «ч»: «щ» въ описываемомъ говорѣ находимъ въ сочетаніи, отдѣльные элементы котораго будутъ š' и t' (š't'), при чемъ š' въ этомъ сочетаніи подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной t' болѣе передняго образованія, чѣмъ š свободное, напр., tóšt'a, št'í, št'úka (щука), но štúka, dom'íšt'o, uc'íl'išt'o, išt'ó иногда išk'ó (у дѣтей), ср. k'ésto, št'ipát, tólšt'e, pološt'í, výtašt'il'í и výtaš-

k'il'i, poišt'i и т. д. Единственное слово, такъ сказать, съ «нормальнымъ» «щ», которое мнѣ пришлось слышать за все время моего пребыванія въ краѣ — это была фамилія, когда-то бывшей помѣщицы Уломскихъ крестьянъ кн. Щербатовой, въ которомъ «щ» звучало какъ šč; въ концѣ слова, когда глухая согласная t' сочетанія št' теряется въ произношеніи, то мы вмѣсто št' на мѣстѣ «щ» имѣемъ простое долгое š: l'oš (лещъ), tavár'iš v'éš и т. под.

Старые «ч» и «ц» въ говорѣ также совпали въ одинъ звукъ, передаваемый c'. Его собственно скорѣе слѣдуетъ отнести къ «свистящимъ», нежели къ «шипящимъ», такъ какъ въ природѣ его можно ясно различать органическое слитіе двухъ «мягкихъ» согласныхъ t' + s', при чемъ изъ этого сочетанія явственнѣе выступаетъ s', чѣмъ глухое t'. (Ср. польское c'). Примѣры съ c' встрѣчаются всюду въ описаніи: dvátc'et', zavoc'koj, goroc'ko'j, troic'ka, g'it'äötc'i (качается), c'úötc'i, ot'ē'c, katc'om (палкой), kabátc'ik, t'éc'a (течь—сущ.), v'éc'or, výc'ap'il (вытащилъ) и т. д. Слѣдуетъ также отмѣтить, что s' въ своемъ образованіи стоитъ уже на границѣ ряда š', и что его развитіе въ эту сторону явственно выступаетъ въ такихъ словахъ какъ potsv'éšn'ik, d'ev'íšn'ik, т. е. въ положеніи передъ n'. Какъ видно, элементъ t' здѣсь потерянъ, а остающійся элементъ: «свистящее» s'—отошло къ болѣе заднимъ образованіямъ. (Сравн. «Тотемскій» говоръ, въ которомъ природа и развитіе c' почти аналогичны съ нашимъ говоромъ).

Но въ такихъ словахъ, какъ s'ic'ás, m'ác'ik, kabátc'ik и подобные, гдѣ въ языкѣ образованномъ находится фонема «ч», какъ будто можно было наблюдать выдѣленіе перваго элемента t' изъ сочетанія t's'(c'), а элементъ s' какъ-то терялся, такъ что если точно транскрибировать, то слѣдовало бы вышеупомянутыя слова написать такъ: s'it'ás, m'át'ik, kabát't'ik, is't'es (исчезъ), za t'íšt'en'jo (за чищенье).

Сопоставивъ это явленіе съ вышеуказаннымъ развитіемъ c' передъ n — (въ š), можно думать, что c' въ говорѣ идетъ по пути окончательнаго своего разложенія въ š' и t'.

Шипящія ž и š описываемаго говора принадлежатъ почти совсѣмъ къ заднимъ; это ясно изъ произношенія. Непосредственно

послѣ ž, š находимъ только «y», т. е. гласную средняго ряда вмѣсто «i»: pokažý, vášy, výšyto, ržy, žyto zar'ešýl'i и т. д. (См. § 1). Такое заднее положеніе языка легко дѣйствуетъ и на слѣдующую послѣ ž, š гласную «e», оттягивая ее немного назадъ, почему въ словахъ: šes (шестъ-колъ), žer'd'iná (жердь), žékc'i (жечь), šés-t'oro и подобное «е» послѣ нихъ средняго образованія.

§ 5. Долгія согласныя.

Долгія согласныя весьма часто попадаются въ говорѣ, но при образованіи ихъ мы почти не встрѣчаемъ новыхъ группъ, сравнительно съ языкомъ литературнымъ, и аккустическій эффектъ при удлиненіи получается тотъ же, т. е., при длительныхъ удлиняется самый шумъ (n̄ s̄), а при мгновенныхъ (t̄..) пауза передъ взрывомъ. Долгота согласныхъ—также построена на принципѣ слитія двухъ элементовъ, которые или уже раньше тождественны (t + t n + n k + k и подобные), или же сначала подвергаются уподобленію. Случаи перваго рода находимъ, напр., при n̄, n̄': v'in̄c'á, ós'in̄'ic'ok, os'ón̄oj, tumán̄oj, okajān̄oj и т. д., при t̄, t': jet̄a въ значеніи тогда, ot̄'éx dn'éj, ot̄ól'-ta, on'ét̄a (тамъ) být̄'e pr'i m'és't'e и т. д.

Особенно часто долгое t̄ въ сочетаніи флексіи съ мѣстоименнымъ членомъ, такъ: n'es'ót̄'a несетъ-та, žýt̄'a, c'ovó vzát̄'a, drat̄'a drál'i и т. д., первая часть согласной t' однако не теряетъ свою палатальность, часто вліяетъ даже на вторую (vz'át't'a). Далѣе t́ всегда находимъ передъ c'; здѣсь видимо на долготу его вліяетъ первый элементъ составной c' (t' s') -t'; примѣры: ot̄'c'iknut' (отбросить), ot̄c'ú, t̄'c'ós и т. д.; долгое t̄ этого же образованія находимъ во всѣхъ глаголахъ неопред. накл. и 3 л. ед. и мн. числа изъявительнаго и повелительнаго наклоненія: kupát'c'i, g'it'áót'c'i (качается), výr'ed'it'c'i, pus' on zabáitc'i и т. д. Нѣсколько особнякомъ стоитъ долгое t̄' и n̄' передъ j въ такихъ словахъ какъ: svát'ja, plát'jo, но plat̄'já; ispytán̄'jo и т. д. Случаи перваго рода долгихъ также встрѣчаются при s̄: s̄alá, s̄ykát' — настоящаго времени sku; при k: k̄ófk'e (къ кофкѣ) и т. под.

Еще болѣе многочисленны случаи возникновенія долгихъ со-

гласныхъ черезъ уподобленіе; слѣдуетъ отмѣтить частью глухія и звонкія согласныя одного образованія, а частью уподобляется и само образованіе. Примѣры:

I z + s даетъ s̄: is̄v'inc'ü (изъ свинцу).
s + z — z̄: z̄ádu.
t + d — d̄: od̄as'í, étod̄urák (этотъ дуракъ), od̄al, od̄oxnú, od̄'el'én'jo.
g + k — k̄: žal'ézo k̄ófk'e m'ák̄o, l'ok̄ó.
d + t — t̄: šešnát̄c'et', tr'it̄c'et', s'át̄uda (сядь туда).
k + g — ḡ: ḡórodu ḡor'é (къ горѣ).

Пользуюсь случаемъ сказать, что природа заднеязычной согласной «g» въ нашемъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго сѣверно-великорусскаго «г». Его взрывной характеръ чрезвычайно близко подходитъ къ другому заднеязычному «к», чѣмъ объясняются частые случаи ассимиляціи g + k = k̄, k + g = ḡ.

Сопоставивъ съ указанными выше случаями судьбу звонкихъ въ концѣ словъ: dóp (добръ), gót, dróf, l'ubóf, drug'íf, также zdúru, gdušó, sýzdal' (съиздалъ) и т. п., видимъ, что законы развитія говора въ этомъ отношеніи тѣ же самые, что въ литературномъ языкѣ.

Нѣсколько другой результатъ, чѣмъ въ языкѣ русскаго образованнаго, даетъ вторая группа образованія долгихъ согласныхъ, напр.,

II. m̄ изъ b + m: om̄'elá ín'ikom (вѣникомъ), n'e óm̄ányvaj, om̄akn'í, om̄án, om̄'én и т. д.
n̄ — d + n: n̄'óm-te (днемъ), lán̄o, ron̄'ík, s'o on̄ó (все одно) и т. п.
ž̄ — s + ž: ž̄ót'c'i (сжется), ž̄onoj (съ женой).
š̄ — s(z) + š: š̄yb'ót, š̄yt'jóm (съ шитьемъ).
š̄' изъ š + s': opojáš̄'i (опояшься), boiš̄'i (боишься) и др.

3 3

§ 6. Объ отношеніи j къ i̯, и случаи ихъ употребленія.

Мой матеріалъ не позволяетъ провести границу въ области образованія «придыхательной» согласной «j» и употребляемой какъ согласная гласной «i̯».

Мнѣ казалось, что предѣлъ образованія j и i̯ лежитъ въ области образованія «напряженнаго» í; подтвержденіемъ этого положенія служили случаи какъ íx, ím, íva, ínac'e, ís' (ѣсть) и т. д., гдѣ передъ гласной не наблюдалось болѣе узкой артикуляціи, чѣмъ напряженное í и не получалось впечатлѣнія j или i̯. Но тогда оставались бы не объяснимыми формы въ такихъ примѣрахъ какъ: nad-jím, ķ-jíx, u-jīx т. е., тамъ, гдѣ придыхательное j въ языкѣ образованнаго человѣка замѣняется звукомъ n: nad-n'im, u-n'ix и т. д., или случаи, какъ s'ín'ii̯í и под.

Но принимая характеристику j и i̯, данную Брокомъ хотя бы при описаніи Тотемскаго говора, возможно будетъ установить нѣкоторые случаи ихъ употребленія. Что безсомнѣнная длительная согласная j съ ясно слышнымъ свойственнымъ ей «треніемъ выдыханія» встрѣчается въ говорѣ, такъ это фактъ; скажу болѣе,— она встрѣчается всегда тамъ, гдѣ неслогообразующая (j, i̯) вообще играетъ ту или иную морфологическую роль и въ концѣ слова, гдѣ она соотвѣтствуетъ й; при чемъ въ томъ и другомъ случаѣ результатъ образованія j, а не i̯ зависитъ больше всего отъ энергіи или артикуляціи выдыханія. Такіе случаи съ j мною отмѣчены въ глагольныхъ формахъ: p'jú, b'jú, v'jú, b'jós и т. д.; въ прилагательныхъ ós'jo, p'os'ja poróda; въ существительныхъ: s'v'in'jú, ovdót'ja, tal'jánka (гармоника), v'er'xóv'jo, kor'jó (кора ивы) и тому подобное. Особенно ясно выступаетъ типичный характеръ артикуляціи j въ положеніи послѣ согласной, въ словахъ podjázok (рыба), c'jí и подобные. Не менѣе интересно при опредѣленіи характера звука j — положеніе его въ концѣ слова послѣ i, напр., s'ín'ij, иногда ol'oks'íj. Исходя изъ этого, и имѣя ввиду появленіе j передъ напряженнымъ i въ такихъ случаяхъ какъ k-jím s-jíx и т. п., гдѣ палатализація не лежитъ въ самой артикуляціи предыдущей согласной, можно заключить, что об-

ласть образованія j лежитъ нѣсколько выше ряда образованія гласной i; тогда относительно такихъ случаевъ, какъ íva, ínace, ím, íf и подобные, можно сказать, что неслогообразующая длительная j утратилась передъ í напряженнымъ въ началѣ слова. Не трудно было также установить, что гораздо чаще говоръ употребляетъ вообще i̯, безъ упомянутаго согласнаго «тренія». При скоромъ темпѣ рѣчи неслоговое i̯ пропадаетъ послѣ ударенія передъ «u» и «o»—znáüt, s'm'éüt, nad'íüs' и т. п.; при томъ же условіи, послѣ ударяемаго слога i̯ пропадаетъ передъ ḽ, иногда допускающемъ въ то же время переходъ е въ ö (o), напр. záec', báeš при báöš, но bái̯u, kokúi̯u (кукую), znáeš и znáöš, xoz'áöf, также передъ гласной а, въ результатѣ чего имѣемъ гласную передняго ряда низкую, ненапряженную — ä: zat'éä, но zná[i̯]ä (сомнительно) и т. д.

Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе передвигается въ словахъ къ начальнымъ слогамъ; тогда передъ гласными о, u—i̯ уже часто выступаетъ: zd'élai̯om, dúmai̯om при dúmam, rozgovár'ivai̯ut и пр. Передъ гласными задняго ряда а, u, о подъ удареніемъ i̯ не выпадаетъ: dai̯ós, poi̯ú, stoi̯ál, даже d'i̯ón род. п. отъ d'én', хотя рядомъ имѣемъ s'm'iäl'is' и под., но здѣсь і покрываетъ собою i̯. Передъ е, можно сказать, что i̯ не только можетъ свободно исчезать, но въ практикѣ и вообще исчезаетъ. Точно также, если вторая изъ гласныхъ і, то существованіе i̯ между гласными, повидимому, нужно признать не наблюдающимся явленіемъ. Обыкновенно видимъ, напр., moí, moíx, doít', dvoím, poít' (poi̯ú), stóit, ustráivat и т. д. Ср. skor'ée; хотя s'ín'ii̯i, когда послѣднее і въ общемъ строѣ рѣчи выбрасывается подъ удареніемъ. Какъ слѣдствіе, въ связи съ исчезновеніемъ первоначальнаго, междугласнаго i̯, является столкновеніе двухъ гласныхъ, вызывающее отчасти дальнѣйшія перемѣны, которыя однако являются типичными не только для «Уломскаго» говора, но для многихъ діалектовъ. Срав. напр., n'e znáem, byváet, n'e um'íet, n'ec'áano и т. д.; или при уподобленіи а, е въ а: byváat, vysyláat и под. Гораздо чаще при тождественныхъ гласныхъ находимъ въ этихъ случаяхъ долготу или слитіе: robótás, moló-

d'in'ká и т. п.; или n'e znām, byvāt, c'itāš и др. Типичнымъ для нашего говора въ этомъ будетъ то, что вторая часть этого сочетанія можетъ быть не только сильнѣе первой по выдыханію, но и выше ея по тону.

§ 7. Замѣтки о нѣкоторыхъ звукахъ въ концѣ и въ началѣ слова. Комбинаціи при столкновеніи согласныхъ.

Кромѣ описанныхъ особенностей и уклоненій отъ образованнаго русскаго языка, нашъ говоръ имѣетъ массу чертъ, свойственныхъ вообще діалектическимъ явленіямъ. Встрѣчаемъ въ немъ гласныя, въ концѣ слова потерявшія свою голосность. Часто звонкія согласныя теряютъ не только голосность, но и всю артикуляцію: l'ubóf, rup-rubl'á, dóp, жен. р. dobra, osmót-osmótra, ól'oksánt, жен. р. ol'oksándra и т. д. Въ концѣ слова говоръ потерялъ также t сочетанія st; такъ напр., xvós-xvostá, kr'és, dás, jes (ѣстъ), strás', gós', ís' (ѣсть), z'vés, род. мн. отъ zv'ezdá и т. д. Изъ начала слова слѣдуетъ отмѣтить гласную i; послѣ «твердой» согласной вмѣсто i имѣемъ «y», нмпр., s-ykónoj, k-yvánou k'í (къ Иванову дню), s-ýzdal' (издалека), s-ýskroj (съ искрой), podýz'b'ic'ü (подъ избу).

Нѣсколько замѣчаній о столкновеніи согласныхъ.

Мы уже отмѣтили (См. § 5), что столкновеніе звуковъ d и t приводитъ къ произношенію съ однимъ закрытіемъ и взрывомъ; такъ получались t̄, d̄, n̄, s̄ и др.; при чемъ дорсальная артикуляція долгой сохранялась въ той части сочетанія, которая входитъ съ палатализованной согласной: какъ žýt̄a (жить-то), jét̄'e при ít̄'e (ѣдьте) s'ét̄udá (сядь туда) и т. д. Взрывъ согласной t терялся въ сочетаніи какъ «отъ чего» — os'ö̈vó; далѣе, говоръ какъ будто не терпитъ большого скопленія согласныхъ; въ такихъ случаяхъ или одна изъ группы согласныхъ выпадаетъ, особенно губная (см. § 3), напр: k-dov'é (къ вдовѣ), str'íc'a и т. п., или, если слово трудное, то группа согласныхъ разбивается соединительной гласной по правиламъ народной этимологіи, напр., b'ezovn'át'ja (безъ вниманія); сюда же отнесемъ: kabýt̄o (какъ будто) и др.; или же для легкости произношенія одна изъ соглас-

ныхъ тогда палатализуется. Вполнѣ послѣдовательнаго правила въ этомъ явленіи мнѣ не пришлось однако установить, поэтому я укажу только на факты: v'ér'x, č'etv'ér'k, v'er'xós'koj, moskós'koj, c'ar's'koj, mus'koj, žen's'koj, lón's'koj, c'ér'kva, kolokól'n'a, mal'in'koj, xorošen'ko, č'ör'n'in'koj, d'én'gam, stól'k'i s'm'iäl'is' и т. д., хотя рядомъ: p'és'onka, d'efc'ónka, rob'ónka, m'énše, žénšt'ina и т. д. А сочетаніе согласныхъ d+s, t+s въ говорѣ перешло въ c': l'uc'kój, zavóc'koj, sóc'koj, d'is'ác'koj и др.

§ 8. Къ развитію говора. Выводы.

Общія черты всего сѣверно-великорусскаго нарѣчія, какъ напр., «оканье», остаются въ говорѣ вообще не тронутыми. Далѣе, если не считать вліянія извнѣ, а оставаться въ предѣлахъ развитія языка самого говора, то слѣдуетъ признать, что старымъ въ говорѣ является сочетаніе št' вмѣсто «щ»; смѣшеніе «ц», «ч» въ образованіи c'; i̯e вмѣсто е въ началѣ слова; закрытое ó; é и í вмѣсто древняго «ѣ»; двойное удареніе и общая интонація рѣчи въ связи съ выдѣленіемъ тона ударяемаго слога и ослабленіемъ слога безударнаго — явленіе старое, осложненное сравнительно новыми вліяніями и фактами. (См. этнографію). Направленіе развитія, приближающее говоръ, такъ сказать, къ «сѣверно-великорусской нормѣ», можно усмотрѣть въ такихъ фактахъ, какъ довольно частая потеря неслогового i̯ передъ гласными — ä, ü, ö, e, i; распаденіе сочетанія t'+s' (c') при выявленіи элемента то t', близкаго уже къ «ŕ'», напр., m'át'ik, kabát'ik и под., то элемента š-potsv'éⁱšn'ik и др.; раскрытіе гласныхъ закрытыхъ: напряженнаго ó, é, u, наконецъ, болѣе спокойная и устойчивая тоника рѣчи, которую можно отмѣтить у подрастающаго поколѣнія.

Часть II. Морфологія.

Морфологія «Уломскаго» говора мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго сѣверно-великорусскаго типа. Однако, при распредѣленіи матеріала, я долго колебался, на какомъ принципѣ слѣдуетъ построить грамматику, чтобы она съ одной стороны отвѣчала прямымъ своимъ задачамъ описанія и была ближе къ

живому языку, а съ другой,—чтобы она систематичнѣе и полнѣе исчерпала всѣ грамматическія формы и категоріи, которыя я имѣлъ случай наблюдать. Живой языкъ настолько текучъ и разнообразенъ, что врядъ ли возможно всѣ встрѣчающіяся въ немъ формы словъ и выраженій, подвести подъ опредѣленныя, установившіяся морфологическія штампы. И если литературный языкъ, съ исторической точки зрѣнія, представляетъ весьма пеструю картину склоненій и спряженій, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что традиція распредѣляетъ разныя образованія по словамъ или группамъ словъ, несоотвѣтствующимъ первоначальной группировкѣ, то тѣмъ болѣе узорчатую ткань мы можемъ ожидать отъ языка живого говора, гдѣ всевозможныя морфологическія образованія по аналогіямъ облегчаются чисто фонетическими условіями, и гдѣ каждый носитель языка не ограниченъ въ словообразованіяхъ школьной «нормой», и наряду съ традиціонными формами допускаетъ легко свои собственныя «потребленія». Поэтому, пусть мнѣ не поставится въ большую вину, если я въ классификаціи матеріала не сумѣю проявить достаточной системы и планомѣрности. При описаніи формъ склоненій и спряженій я не буду углубляться въ исторію образованія и смѣшенія формальныхъ типовъ подъ вліяніемъ аналогій, но, чтобы показать, какъ мало отличается морфологія описываемаго говора отъ обыкновеннаго сѣверно-великорусскаго типа, я постараюсь дать образцы склоненій и спряженій общихъ рядовъ, оговаривая каждый разъ случаи отклоненій; тѣ же формы, которыя почему либо не подойдутъ подъ извѣстные грамматическіе типы, я оговорю особо, выдѣливъ ихъ въ особыя главы.

Также оговорюсь, что при описаніи морфологіи я не буду выдерживать транскрипцію со стороны второго ударенія, полагая, что этотъ вопросъ достаточно мною освѣщенъ въ фонетикѣ.

Теперь перейдемъ къ самому матеріалу.

§ 9. Существительныя.

1. Какъ правило, прежде всего отмѣтимъ, что нашъ говоръ совсѣмъ не знаетъ особой формы для твор. пад. мн. числа, въ

немъ номинальная флексія этого падежа совпала съ формой дательнаго множ. — черта свойственная многимъ говорамъ.

2. Здѣсь же отмѣтимъ, какъ довольно типичное для говора, передвиженіе ударенія къ началу слова въ зависимости отъ предлоговъ въ формахъ род., дат., вин. и мѣстн. падежей, главнымъ образомъ, единств. числа, при чемъ односложныя слова и слова, имѣющія удареніе на первомъ слогѣ, свое удареніе часто передаютъ предлогу.

Исключая это, флексіи въ говорѣ соотвѣтствуютъ, вообще, системѣ литературнаго языка и мало даютъ существенныхъ и категорическихъ различій.

1. Основы на -a, -ja.

Ед. ч.	И. skovorodá	Мн. ч.	skóvorody
	Р. skovorodý		skovorót
	Д. М. skovorod'é	Д. Т.	skovorodám
	В. skóvorodu (ná skovorodú)[1]).	М.	skovorodáf
	Т. skovorodój.		

По этому же образцу склоняются: nogá -nog'í -nog'é -nógu (ná-nogu, но za-nogú)—nogój; мн. ч. nóg'i -nók и т. д. z'imá—g-z'ím'e, o-z'im'é; мн. z'ímy-z'ím и пр.; mol'ítva, род. мн. mol'ítof; storoná, дат. мѣстн. k-stóron'e, na storon'é; мн. stórony-storón и т. д. Примѣры этого типа склоненія многочисленны. Ср. собирательное rýba pošlá и параллельно rýb'ina zaláoc'ka (лавка), v'orstá: мн. ч. v'órsty-v'órs; s'ostra, c'ökal'ina (седалина), oborot'ónka— отглагольное существ. отъ глагола «оборачивать»; fábr'ika, род. мн. ч. fábr'ikof, ser'ótka при os'er'ótka, р. s'er'ótk'i; мн. s'er'ótk'i-s'er'ódók, os'er'ódok и т. д.; izba, вин. ízbu (ná izbu, pód-yzbu); мн. ч. ízbyízbof рѣдкая форма, и мн. др. Ср. posýlka, род. мн. posýlkof; vz'átka-vz'átkof.

C'ér'kof, bán'a—перешли въ твердую основу, склоняющуюся какъ nogá: c'ér'kva-c'ér'kvy, д. м. c'ér'kvoj, вин. c'ér'kvu; мн. ч.

1) Во избѣжаніе повтореній и для сокращенія письма, всѣ тѣ формы, въ которыхъ допустимо удареніе на двухъ, трехъ слогахъ, будутъ имѣть соотвѣтствующее число надстрочныхъ знаковъ.

c'ér'kvy-c'er'kvám-c'er'kvaf, однако род. мн. c'er'kv'éj; также bájna: мн. ч. bájny, р. bájon и т. д.

По этому же типу развиваются любопытныя формы съ суффиксомъ «единичности» — ин-; такъ напр., skot'ín'ina, sposúdi'na, sos'n'ína, c'er'ómšyna, r'ebiín'ina, ól'šyna (ольха) trav'iná и т. д., множественнымъ числомъ для которыхъ служатъ формы отъ того же корня въ собирательномъ значеніи: sposúd'ina—sposúd'iny,—sposúd'in'e,—sposúd'inu—sposúd'inoj; мн. ч. sposúda—sposúdy—sposúd'e—sposúdu—sposúdoj. Сравн. nozdr'iná; мн. ч. nózdr'i, но r'eb'ína, c'er'ómxa... въ значеніи плода и растенія; moróška, род. мн. moróšok, brus'ónka (брусника), род. мн. brus'ónok, — рядомъ съ ними žuraíc'ina, мн. žuraík'i, род. žuraíkof и žuraík. По аналогіи съ r'eb'ína, borov'ína (боровое мѣсто) и т. д. склоняются въ ед. ч. t'es'ína, grad'ína, мн. числомъ для которыхъ служатъ t'ós, grát, измѣняющіеся по другой основѣ — на -о.

Мужское «заработокъ» въ нашемъ говорѣ перешло въ женскій родъ: xudája zárobotka; поэтому это слово склоняется также по образцу nogá: род. zárobotk'i, вин. zárobotku; мн. zarobótki, хотя род. zárobotkof. Ср. poc'óm pšoná? žn'íva, so-žn'ívy pr'islí (жен. род.). Только въ ед. числѣ porá, вин. póru; сравн. f-tú por, f-t'é por. Также «singularia tantum»: kr'éz'ba, uráz'ina (ушибъ, уродство), gov'éd'ina, ol'šýna (болотистое низкое мѣсто, покрытое олешникомъ), kul'íga (собраніе) и др. Сравн. obútka (обувь), р. obútk'i — obútk'e; na obútku—obútkoj; но obútka (тонкая короткая веревка) имѣетъ формы и для множ. числа.

Род. мн. въ заимствованной изъ основъ на—u формѣ: kanfétof, pokúpkof; ср. fábr'ikof, vz'átkof и др.

Особую форму для звательнаго падежа пришлось наблюдать только отъ «бáбушка» (bauška) báušyn'ka. Ср. mámon'ka. Особенную звукоподражательную форму находимъ въ кличкѣ коровы и лошади; кричатъ, напр., 1) ptrukó-ptrukó ptrukón'uška, 2) ptr'ónuška. Любопытная увеличительная форма отмѣчена отъ существительнаго «голова» — golov'én'ka. A jon l'éb'ed'-ot, gólova, plyjót sámym st'éržn'om,—*golov'én'ka* -ta bol'šúšt'a, какъ mos't'ínka (корзинка). По образцу p'és'n'a, dúl'a (груша) склоняются

mt'íc'a, púl'a, pr'ál'ica, lúkoic'a, pol'íc'a, s'píc'á, skal'ná, bároŝn'a, króvl'a, rukaíc'a, c'üdáŝn'ic'a, n'ed'íl'a, klác'a, z'eml'á и мн. др.

	dúl'ä		dúl'i
	dúl'i		dul'
Д. М.	dúl'e	Д. Т.	dúl'am
	dúlu		dúl'af

dúl'öj, часто dúl'ej; точно также отъ mtí'c'a находимъ -ej и -c'oj. Сравн. ofc'á, м. ojc'é; мн. ч. ófc'i-ov'éc' и т. д. род. мн. bároŝn'ej при báryŝn'of—отъ «барышня», vožd'éj, но mt'íc', pr'ál'ic', s'p'íc', n'ed'íl' и т. д. Вмѣсто lóvl'a находимъ lovl'én'jo.

Такія формы род. мн. въ заимствованной изъ основъ на—i формѣ, отмѣченныя мной въ существительныхъ — bároŝn'ej, púl'ej, króvlej и др., произносятъ всегда—éj, не сбиваясь на 'oj. Ср. kart'éc'ej — kart'éc'am отъ kart'éc'i (картечь), употребляемая только во мн. числѣ; skal'ná, p'is'n'a въ род. мн. имѣютъ skálon, p'is'on; прочія формы «мягки». Среднее «пособіе» въ говорѣ воспринято въ женскомъ родѣ: mál'in'ka posób'iä, вин. na étu posób'iü n'éc'o ros'c'ityvat'; другихъ падежей не наблюдалъ.

Только въ ед. числѣ употребляются ron'á (родня), jár'ic'a; формы множеств. отъ нихъ являются описательно: mnógo ron'i, bol'ŝája ron'á; c'élo pol'ö jár'ic'oj zas'ieno. По этому же образцу склоняются krýŝa, duŝá и под.; род. мн. krýŝ, dúŝ (правильно) и т. д.

2. Основы на -o, -u, -jo.

Въ описываемомъ говорѣ больше всего сказалась роль аналогій въ образованіи флексій, именно, въ формахъ отъ означенныхъ выше основъ. Остатки флексій основъ на -u, образованіе множеств. числа на -a, -ja родит. мн. изъ основъ на -i и др., все это дѣлаетъ чрезвычайно пестрымъ типъ этого склоненія. «Какъ въ литературномъ языкѣ», отъ указанныхъ основъ «находимъ теперь въ сущности только одно склоненіе, съ извѣстнымъ различіемъ между «твердыми» и «мягкими» основами», такъ и въ нашемъ говорѣ флексійныя формы настолько перемѣшались, что ихъ удобнѣе всего классифицировать на фонетическомъ принципѣ.

а) Слова мужского рода съ «твердой» основой.

	l'és		l'esá
Р.	l'ésa, но íz-l'esu		l'esóf
Д.	l'ésu	Д. Т.	l'esám
Т.	l'ésom		
М.	v-l'és'e, ú l'esu		v-l'esáf.
	górot		gorodá
Р. Д.	górodu	Р.	gorodóf
Т.	górodom	Д. Т.	gorodám
М.	v-góród'e		v-gorodáf.

Въ род. пад. ед. числа форма на — u встрѣчается почти обязательно отъ именъ, обозначающихъ неодушевленные предметы; такъ имѣемъ — u отъ dóm-dómu, s'v'ét-s'v'étu, l'on-l'n'ú. Ср. naródu, ú-gorodu, iz-uézdu и т. д., хотя n'a róda, gláza, ráza и rázu, мн. ч. razá при razý, род. kól'ko vnógo razóf и т. д.; род. ед. xl'éba, мн. ч. xl'ebá (посѣвъ) и xl'éby (печеный хлѣбъ), род. xl'ebóf и т. д.; iz'l'išok-iz'l'iška-ta ob'erút v-árme'ju-iz'l'išku и т. д. Форму на — а находимъ преимущественно въ именахъ, обозначающихъ одушевленные предметы, напр., mužýk-mužyká; мн. ч. mužyk'i-mužykóf и т. п.; šv'éc'-šv'ec'á; r'estánt (арестантъ), род. r'estánta, мн. ч. r'estánty; ср. s'l'ét, род. n'étu s'l'édu, твор. *s'l'ódom*, мн. ч. s'l'edý-s'l'edóf и т. д.

Примѣры «мягкаго» типа.

kup'éc'	kupc'i
kupc'á	kupc'éj при kupc'óf
kupc'ú	kupc'ám
kupc'óm	kupc'áf
kupc'é	

Сравн. z'v'ér'-z'v'ér'a и т. д.; мн. ч. z'v'ér'i-z'v'er'éj и т. д. Уменьшительное z'v'er'úka; záec'; род. мн. zajc'éj; gos't'in'ec', род. мн. gos't'inc'ej при gos't'in'c'of; ogur'éc'-ogurc'éj, rub'éc'-rupc'éj, švéc'-šv'ec'éj и šv'ec'óf, kon'éc', род. ед. iz-konc'i; мн. ч. konc'i-konc'éj и т. д. Сюда же примыкаютъ rup, род. rubl'i, мн. ч.

род. rubl'óf при rubl'éj, также pr'iát'el'of, рядомъ pr'iát'el'ej и т. д. Отмѣченное выше правило относительно род. пад. ед. числа имѣетъ мѣсто и при мягкой основѣ; сравн. напр., is-kl'uc'ú na-p'ilsy, isv'inc'ú, j́édut ot-v'en'cú, lókt'u, хотя grúz'n'a (груздь). Сравн. также при этомъ: poimál jez'á (язь-рыба), z'át'a, stolar'á и т. д. Часто мѣстный падежъ ед. ч. имѣетъ форму на -u послѣ предлоговъ на, въ; такъ напр., ná l'esu, но v-l'és'e, na kustú при na kus't'é, na lugú, na mostú, v-rovú, f-sadú при f-sád'e, f-škáp'e и f-škapú, na polkú, na bokú, na polú, f-s'n'egú, na v'er'xú, na uglú при na ugl'é и т. д. Ср na kamn'ú и na kámn'é v-rajú, v-ul'jú и v-úl'je, f-krajú. Интересно отмѣтить формы мн. числа отъ этихъ послѣднихъ словъ: им. мн. úl'ji и úl'ja (ставлены есть улья), род. ul'jéj при ul'jóf Сравн. krajá, iz-vásyf kraéj. Въ тѣхъ случаяхъ, когда м. падежъ имѣетъ форму на — u, можетъ случиться, что три падежа: род., дат., мѣстн. ед. числа будутъ имѣть одно и то же окончаніе; напр., mós, р., дат. móstu, мѣстн. na mostú; р. д. и м. krájú и т. д.

Имена женскаго рода «очередь», «подкова» и средн. «яблоко» въ нашемъ говорѣ наблюдаются въ мужскомъ родѣ: bol'sój c'er'ót при mój oc'erót, lóšat potkóf pot'erála, moskós'koj jáblok. Поэтому имѣемъ: c'er'ot, род. b'es-c'er'edú, твор. c'er'edóm, м. c'er'edú; мн. ч. c'er'odý-c'er'edóf, na c'er'edáf.

Аналогично склоняются potkóf, jáblok.

Нѣсколько особнякомъ стоятъ такія слова какъ móx, lóp (лобъ), rót, róf и др.; они во всѣхъ косвенныхъ падежахъ пріобрѣтаютъ «полногласіе» и мало употребительны во множественномъ числѣ; признаюсь, за все время своего пребыванія въ краѣ, я не наблюдалъ отъ нихъ формъ во множ. числѣ. Такъ имѣемъ: rót, -róta (iz-rótu páxn'ot), k-rótu, rótom, v-rót'e. Ср. род. пад. lóba-lóbu и т. д., хотя говорится: što v-lóp, -to pólbu, но эта форма могла придти со стороны; l'ót-lóda при l'd'u, l'odom || l'dom, v-l'ód'e. Изъ «singularia tantum» отмѣтимъ: xm'él', xár'ec' (харчь), tvarók и др.; но особеннаго вниманія заслуживаютъ существительныя, произведенныя отъ глаголовъ: pr'ipój (отъ «паять»), s'ókъ (отъ сѣчь) и žór (отъ жрать); род. ед.: pr'ipóju, žoru, или

дать t'ié xoróšova sóku etc. «Plural'ia tantum» узкаго областного употребленія: úpak'i-úpakof (туфли), kátan'ik'i-kátan'ikof, kl'äpc'i kl'äpc'éj и kl'äp'éj; om'ál'ki, род. — of; pot'ómk'i-f-pot'ómkaf xóim и т. д. Ср. orúd'iįi zac'ábr'ila (захватила); iz-orud'iįi str'el'áüt. Именит. множ. на -а обыкновенное явленіе въ говорѣ. Сравн. gorodá, idolá (идолъ), rukavá, glazá, upovodá («уповодъ» — мѣра времени), boká, b'er'egá, s'n'egá, doxturá, kuc'ärá и мн. др. Но рядомъ часто видимъ болѣе старыя формы; такъ напр., b'er'eg'i, tok'i вм. toká, -tokóf; róg'i, bók'i; сравн. klús (чудакъ), им. мн. klusý édak'i, xl'éby, gódy, glázy, какъ ant'ir'ésy, karásy (карась) и т. д. Родит. над. мн. числа въ краткой формѣ отмѣченъ, напр., súprot'if, kolo b'ér'ek, по аналогіи съ šés' aršýn при aršýnof, vnogo saldát и saldátof, или ná šes' m'és'äc' xvát'it. Именительный падежъ множ. числа въ формѣ собирательнаго встрѣчается, пожалуй, чаще, чѣмъ въ литературномъ языкѣ. Однако ограничиться этимъ общимъ замѣчаніемъ, значитъ сказать не все.

У проф. Брока въ описаніи «Тотемскаго» говора собирательныя имена расгруппированы по ударенію, потому что «соотвѣтственно съ послѣднимъ распредѣляется форма родительнаго падежа» [1]).

Въ нашемъ говорѣ такого согласованія ударенія съ распредѣленіемъ формы род. пад. не наблюдается, поэтому мы классификацію «собирательныхъ» построимъ на другомъ критеріи.

Къ чисто собирательнымъ, т.-е. къ такимъ, которыя при формѣ ед. числа имѣютъ значеніе множественнаго, такъ какъ относятся ко многимъ предметамъ, — будутъ относиться всѣ тѣ имена, которыя восходятъ къ первоначальнымъ собирательнымъ на -je, какъ-то: kam'én'jo, mojo kól'jo, f'so kolós'jo, gvoz'jó, par'en'jó (воно пареньё пошло), stúl'jo, volós'jo, kuvr'ál p'én'jo, įaz'jó отъ «язь»—язьё подступило къ сити; onó kor'én'jo, l'js'jo opálo, dúb'jo, zúb'jo въ грабляхъ, другое—zúby-zubóf. Ср. súc'jo при мн. suk'i-sukóf и т. д.; koz'én'jo рядомъ, kóz'n'i-koz'n'éj; d'ev'er'jó отъ d'év'er и др. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, ко-

1) См. Брокъ, 120 стр.

торыя употребляютъ старый родительн. пад. ед. числа, какъ род. множ. и у которыхъ теперь совпадаютъ формы имен. и винит. падежей множ. числа въ формѣ числа единств.; напр., kól, им., вин. множ. kól'jo, а род.: n'étu kól'ja; kor'jó, род. kor'já, или par'en'jó, vnogo par'en'já pošló и т. д.; kul', мн. ч. kul'i и kul'jó, род. kul'já и kul'éj при kul'óf, kórop-koróƀ'jo, -ja . . .

Къ другой тогда категоріи будутъ относиться имена собирательныя, у которыхъ род. пад. мн. числа согласуется съ литературной формой -ей, или съ формой -of, у которыхъ удареніе обязательно на конечномъ слогѣ, которыя, собственно, нельзя даже назвать собирательными, такъ какъ они согласуются со сказуемымъ во множ. числѣ. Напр., kn'és' (князь); kn'ez'já-kn'ez'jéj при kn'az'óf Сравн. druz'jéj при формахъ drúg'i-drúgof и пр. Также mužjá-mužjóf, brát'já, bratov'já: род. brátjéj, bratov'éj и т. д.; тоже šur'já, synov'já, -ov'éj и т. д.

Къ третьему виду собирательныхъ говоръ относитъ такіе случаи какъ: k'irp'íc' xoróš, ogur'éc' dórok, sapók dórok stal, úloms'koj baránok siä otm'én'it; boroík, ʝágoda s'p'éla, múxa odol'íla и т. д.

Къ описанному здѣсь типу склоненія примыкаетъ и такой видъ какъ (мой) tůlúp'iško, род. п. tůlúp'iška и т. д.; мн. ч. tolúp'išk'i-talúp'škof и т. д. Ср. syn'iško-syn'iškof, также ov'in'iško и др., какъ d'étko, pobrat'imko, m'ixailko,-m'ixailo, t'imof'éjko, Wan'éjko и др.; bát'uško, род. мн. bát'uškof. Существительныя на -инъ въ формальномъ образованіи мало чѣмъ отличаются отъ обычнаго типа; такъ находимъ: kr'es'ján'in, мн. ч. kr'es'jána-kr'es'ján и т. д., tatár'in: tatáry-tatár; bára-bár отъ bár'in; gospod'in: gospodá-gospót; xoz'éin: xoz'éʝeva-xoz'éʝof и xoz'äöf и т. д. Зато имена существительныя на —енокъ вполнѣ согласуются съ литературнымъ языкомъ; напр., ʝegn'ónok-ʝegn'ónka-ʝegn'ónku и т. д.; мн. ч. ʝegn'áta-ʝegn'át и т. д. Ср. rob'ónok-rob'áta, t'el'ónok-t'el'áta-t'el'át и др.

б) Слова средняго рода.

Примѣры:	žýto	žytá
	žýta	žytóf

	žýtu		zytám
	žýtom	М.	žytáf
М.	v-žýt'e.		

Ср. gn'ezdó-gn'ezdá и пр.; мн. ч. gn'ézda,-gn'és и т. д.; также d'élo;-d'éla; мн. ч. d'elá, род. n'étu d'elóf sofs'ém; е въ этомъ случаѣ вмѣсто 'o, а особенно въ словѣ gn'ézda-gn'és, вѣроятно результатъ церковнаго или школьнаго вліянія. Мягкія основы заимствовали въ им., вин. ед. числа окончаніе твердыхъ: pól'o, ḭeic'ó, mór'o и др., однако подъ удареніемъ это окончаніе различается отъ твердыхъ. Ср. t'ágló, z'ornó, vojs'kó s'eló и ḭeic'ó, l'ic'ó, pól'o и т. д.

Образцы склоненія «мягкаго» типа существеннаго собой ничего не представляютъ; такъ pól'ö-pól'ä и т. д. мн. ч. pól'á-pól' (p'ét' pól' zas'iöno) или pol'éj и пр. pl'ec'ó: pl'éc'i-pl'éc' и т. д. l'ic'ó: l'ic'a-l'ic'; род. мн. ḭeic', mor'éj. Только въ ед. числѣ lovl'én'jo вмѣсто ловля, v-umal'énjo pr'išlo fs'o. Сравнивъ p'is'ma-p'is'mof и p'is'om, также vojs'kóf съ выше приведеннымъ полнымъ переходомъ въ мужской родъ слово ḭabloko: od'in ḭáblok, мн. ḭáblok'i-ḭáblokof и пр., то не трудно замѣтить, какъ колеблется род. мн. числа средняго рода между старой формой и заимствованной изъ мужескаго рода. Множеств. число въ формѣ собирательнаго видимъ, напр., p'eró: p'ér'jo, kryló: krýl'o и т. д. съ дальнѣйшей флексіей какъ въ подобныхъ словахъ мужескаго рода. Нѣсколько иначе z'ornó; мн. число отъ котораго z'ér'n'eta-z'ér'n'et и т. д. Въ единственномъ числѣ только gornó (въ кузницѣ), d'epo, u-d'epý, v-d'ep'é, по аналогіи съ «v-m'ed'é (мѣдь)» и подобные.

3. Основы на -i и согласныя.

Женскія основы на -i представлены въ говорѣ большимъ количествомъ именъ. Однако онѣ являются далеко не выдержанными сравнительно съ литературнымъ языкомъ. Такъ мы находимъ вторженіе окончаній дательн. и мѣстн. падежей единственнаго числа изъ другихъ основъ; напр.,

И.	gór's'	gór's't'i
Р.	gór's't'i	gor's't'éj

Д.	gor's't'e	Д. Т.	gor's't'ám
Т.	gór's'ju		
М.	v-gor's't'é		v-gor's't'áf.

Сюда же примыкаютъ nóc', д. м. nóc'e (v-noc'é); мн. ч. nóc'i-noc'éj и т. д. Ср. также sýroc'; «ój, drúk, f-sýroc'e tr'i n̄'i (дни) v-okópaf-t'e l'ožál»; laxán', v-laxán'e; род. мн. laxán'ej; см. также rat s'm'ér't'e; f-pam'et'é, na lošad'é и др.: v-l'és'e, v-gr'ezé, v-grud'é, f-krov'é, na jel'é, na kustú (é) и т. д. Любопытную флексію наблюдаемъ въ твор. пад. ед. ч. отъ слова pos't'én' (тѣнь человѣка), а именно: natpos't'én'oj n'e s'm'ijs'i по аналогіи съ «яблонь»: jáblon'oj, хотя употребительна и обычная форма pos't'én'ju. Женскія основы на -r слѣдуютъ вообще въ говорѣ подобно основамъ на -i.

Исключенія касаются такихъ словъ какъ dóc' mát' и др., гдѣ въ косвенныхъ падежахъ литературнаго языка выявляется суффиксъ—ср. Мнѣ удалось всего лишь зарегистрировать форму им. и вин. падежей въ ед. числѣ въ видѣ mat' и dóc', что же касается другихъ косвенныхъ падежей ед. ч. и всего множеств., то какъ только дѣло доходило до нихъ, такъ сразу же говорилось въ род. ед. dóc'k'i, д. dóc'k'e и т. д.; мн. ч. dóc'k'i, dóc'ök, dóc'kam и пр. Ср. mátk'i-mátk'e . . . mátok и пр. Къ описанному здѣсь склоненію примыкаютъ l'ubóf króf: f'so rýlo f-krov'é; род. отъ «любовь»: l'ubóv'i, мѣстн. l'ubóv'e; другихъ пад. ед. и мн. числа не наблюдалъ совсѣмъ. Сюда же gól p'er'ekátna, vóš, róš (рожь), род. ržy, мѣстн. vo-ržə, -róžju и т. д.; род. мн. ržéj, им. plóx'i ržy, другихъ падежей нѣтъ.

Существительное fam'il' употребляется только въ двухъ падежахъ ед. ч., им. ед. fam'il', род. fam'il'i. Сравн. pád'öl (падаль), pókas' (пакость), šrap'él' (шрапнель), падежныя формы отъ которыхъ встрѣчались тоже не часто. Мужеское «путь» въ говорѣ перешло въ женскій родъ: n'e výjd'ot put'i xoróšy, f-put'é t'r'i m'is'ec'a naxod'il'is'; однако мужескій родъ сохраненъ въ творительномъ падежѣ t'ém put'óm. Во множественномъ числѣ предпо-

читаютъ dorog'i-dorók и т. д. Въ словѣ d'én' родит. имѣетъ n'i (дни) — s'evón'i. tovó n'i, tr'et'jóvon'i, подъ удареніемъ dn'á, — иногда два n'á ostálos', дат. k-tomú n'i и n'ú: k-yvánou n'ú; твор. n'om, м. n'é; мн. ч. n'i, род. dn'éj и n'óf и т. д.

Основы средняго рода на -н- im'o, s'im'o, vr'ém'o, plám'o и др. въ косвенныхъ падежахъ ед. числа совсѣмъ почти не проявляютъ суффикса — ен и очень неохотно даютъ полную форму множественнаго числа. Такъ напр., ím'o род. ím'a, д. ím'u, тв. ím'om, м. ím'e; мн. ч. im'ená-im'ón и т. д. Въ разговорной рѣчи находимъ: kak t'iá po ím'u-ta, s-xoróšym im'om. Ср. vr'ém'a, kol'ko vr'ém'ä-ta, дат. vr'ém'u и пр. множ. число рѣдко: vr'em'ená-vr'em'án. Какъ окаменѣлость, только одно pl'ém'o встрѣтилось въ распространеннной формѣ въ род. пад. ед. числа: n'e róda, n'e pl'ém'en'e n'e znáju. Ср. pus't'it' t'eluški na pl'em'á.

Слово «дитя» приходилось слышать въ ед. числѣ частью какъ средній родъ nášo d'it'á, а частью въ сочетаніи ona d'it'a ostálas' (о дѣвочкѣ). Во множ. числѣ им. d'ét'i, р. d'it'éj, д. м. d'it'ám и т. д., хотя болѣе часто употребляется для множ. числа robát'a и rob'átk'i; это послѣднее рѣже и стоитъ, мнѣ кажется, въ какой-то связи съ отмѣченными выше mát'ki dóc'k'i. Изъ разсмотрѣнія формъ косвенныхъ падежей отъ mat', dóc', im'o, vr'ém'o, pl'ém'o и др. видно, какъ говоръ еще колеблется между старыми формами и новыми аналогіями.

Формы, какъ: ná n'eb'e, n'eb'ösá, n'eb'ös, или c'údo, мн. ч. c'ud'esá v-r'ešat'é и пр. употребляются согласно съ литературнымъ языкомъ, при чемъ «е» въ нихъ еще не перешло окончательно въ 'о, и поддерживается вліяніемъ аналогій другихъ падежей съ е передъ палатальной согласной, или формами z'v'ezdá: z'v'ézdy-z'v'és и пр. Что отмѣченное смѣшеніе родовъ въ говорѣ такихъ словъ какъ «дитя», «путь» и др. не есть релультатъ ослышки или случайности, а есть явленіе морфологической ассимиляціи на фонетической основѣ, такъ тому служатъ подтвержденіемъ аналогичные случаи въ «Тотемскомъ» говорѣ. Ср. также отмѣченные выше случаи: jáblok, potkóf, c'er'ót и др. или dva

pokúpk'i zd'élal; k-m'iláše na c'asók «милаша» общаго рода; также t'át'ka pr'is'nilas' (у дѣтей) по аналогіи «мамка приснилась».

§ 10. Прилагательныя.

Формы именѣ прилагательныхъ въ описываемомъ говорѣ не даютъ вообще повода къ существеннымъ замѣчаніямъ. Въ согласованіяхъ прилагательныя съ полнымъ родовымъ окончаніемъ встрѣчаются рѣже краткихъ. Такъ имѣемъ: d'öšóva muká, ja davnóšna-dos'él'n'a, s-troic'k'i n'ed'il'i, v'ér'xn'u od'óžu, d'iuc'éño d'élo (удивительное), glavna c'el', d'élo γospóc'ko, vysóka izbá, b'éla rubáxa, s'evódn'išno útro, dólg'i, kokor'és'k'ii zažývny, dos'él'na rubáxa (стараго образца) и т. д. Ср. pokóön vas'il'ej (покóйный).

Полнымъ окончаніемъ для прилагательныхъ муж. рода подъ удареніемъ и безъ ударенія является всегда -ой, напр., boγátoj kup'éc', št'et'ínovatoj poros'ónok, xoróšoj susét, tájnoj s'ekkrét, poróznoj jášt'ik, nogój mušt'ína (нагой), n'ezav'ídnoj žan'íx, s'ín'oj kaftán, markój s'ít'ec', n'ebájkoj pár'en' (неразговорчивый), baskój platók (красивый) и т. д. Ср. рядъ примѣровъ съ удареніемъ на конечномъ, въ различіе отъ принятаго въ литературномъ языкѣ: krupñój, r'et'ivój, gr'eznój, soñój, tolstój, ropkój, surovój и т. д. (См. Приложеніе №   ).

Склоненіе во всѣхъ родахъ слѣдуетъ по именному типу; такъ имѣемъ:

skupój, skupójo	skúpája
skupóva	skupój, рѣдко skupýjö
skupómu	skupój.
skupým	
skupóm	

Множ. число для всѣхъ родовъ преимущественно: skupýi-skupýf-skupým-skupýf. Ср. gluxój, gluxójo, gluxája; мн.ч. glux'ii; zlýi, bogátyi и т. д. Ср. примѣры «мягкой» основы: s'ín'öj, s'ín'öjo, s'í'n'aja; дальше правильно, кромѣ род. жен. р. ед. s'ín'öj

при s'íne'ja; мн. число s'ín'i, рѣже s'ín'ijö-s'ín'if-s'ín'im и пр. Также p'er'én'oj и p'er'édn'oj, p'er'én'a, p'er'én'o; póz'n'oj, póz'n'aja, póz'n'ojo и др. Мн. число p'er'édn'ii poz'íc'ii, или póz'n'i c'v'etý и т. д. Впрочемъ нужно сказать, что довольно часто твор. пад. ед. числа встрѣчается съ мѣстоименнымъ окончаніемъ, какъ напр., p'er'et sámyim pr'eobražen'jom, f-próšlyim godú, z-bol'šýim vózom и др. s'en'am t'óplyim; сравн. pr'i kakíif uslóvjax, drug'íem m'éstom, u-nás u samoíx и пр.

Изъ прилагательныхъ существительныхъ отмѣтимъ kara-b'él'n'i gvóz'd'i, portnój šv'éc', sapóžnoj šv'éc' и др.

Изъ притяжательныхъ Ol'ónk'in syn, S'ib'ér's'koj, mužýc'ko d'élo, durác'ko, d'ád'ina и др.

Краткія формы прилагательныхъ не имѣютъ вообще какихъ-либо существенныхъ уклоненій отъ образованнаго языка. Ср. случаи въ родѣ p'etróv-d'en', p'etróva n'i, p'etrou n'u, Uspl'én'jof d'én', uspl'én'jova n'a, uspl'én'jovu n'í и т. д. Также: róbok, rópka, rópko; мн. ч. rópk'í,-rópk'if и т. д.; dólok, dólga, dólgo; glubóko, род. ед. glubók'i-t'e r'ek'í, kr'épok, m'áka, dóp, dobrá, dobró, mólot, s'íl'on, s'íl'n'a, vos't'ór, k'ísla, slobódno, и пр.; или vnógo, láño, ópasno (t'ixón'oc'ko), t'óvno, dal'óko, glubóko, šyróko, vy-sóka, но l'okó (l'oga-лёга), gožó (хорошо), d'užo, b'elá, t'opló, pólo (дыра) и др.

Краткая форма сравнительной степени имѣетъ е: l'ékc'e, ko-róc'e, dól'e, ból'e, m'en'e и др.; е развивается въ ə (э) послѣ шипящихъ š, ž: šýr'šə, stróžə, bl'ížə, glúbžə, molóžə, n'ížə, ból'šə, и т. п.; но kr'epc'áe, также x'itr'áe, s'm'ir'n'äe, damnó-davn'ée, t'epl'áé, s'm'il'áe, отъ xorošó ср. ст. poonác'e (лучше-поонац'е), b'il'éjö, vol'n'éjö и т. п.

Особый видъ превосходной степени употребляется описательно съ ból'no, stás': málo, vnógo, xorošó и т. п. Ср. ból'na jadúc'a joná; или édako m'ésto (въ значеніи очень много), jéstol' dólok (слишкомъ, много долгъ), do-tovó xúdo (очень худо) и под.; причемъ какого-либо правила о появленіи того или другого окончанія для сравнительной степени установить не удалось.

§ 11. Мѣстоименія.

1. Мѣстоименія, не различающія родовъ. (См. Брокъ, 130 стр.).

j̯a	tý	
m'en'á, m'in'á, u-mn'á	t'ib'á, t'ia	s'ib'á, s'iá
mn'é, m'in'é, m'en'é	t'ib'é, t'ié	s'ib'é, s'ìé
mnój	tobój	sobój.
my	vy	
nas	vas	
mam	vam	

fto, kovó, komú, k'ém, kóm; što, c'övó, c'ömú, c'em, c'óm.

Такую конструкцію как «on pal na mn'é na grut'», я считаю случайной и потому на ней не настаиваю.

2. Мѣстоименія, различающія роды.

j̯on, j̯ono, рѣдко on: j̯evó || j̯övó; j̯emú || j̯ömú, -ím, -j̯om; женск. род. ona (j̯ona): ié, вин. j̯e, но s'-c'ém j̯eé j̯ed'át, здѣсь «ее», потому что кругомъ артикуляція «e̯»; мн. ч. для всѣхъ родовъ: on'é; íf, ím; ср. j̯on'é. Отъ «j̯evo» находимъ j̯evóŭoj, отъ «ie» -j̯éjnoj, отъ íf, íx-ífnoj, вин. íxn'eö; мн. ч. ífny-íxnyf и т. д.

Указанныя формы употребляются и послѣ предлоговъ: do-ié, nad-j̯ím, u-j̯evó, u-j̯éj, méždu ím, k-j̯emú, ob-j̯om, u-íx, s'-j̯ój и т. под.

Формы им. мн. числа, повидимому, не распредѣляются по родамъ; въ связной формѣ и при паузѣ находимъ on'é, j̯on'é.

«Притяжательныя» mój, moj̯ó: moj̯evó-moj̯öᵉmú-moím-moj̯om: жен. род. moj̯á, род. moj̯ój иногда просто u-mojö, встрѣчается и moj̯ej̯é, вин. moj̯ú, д. т. и м. moj̯ój; мн. ч. moí-moíf, -moím. Сравн. tvoj̯á-tvoj̯ej̯é и др.; род. svoj̯ój или svoŭó; род. мн. для всѣхъ родовъ svoéf, хотя svoéx s'em'án.

naš, našo; nášova и т. д.; жен. р. náša-nášoj и пр.; íz-vášyf, étot, éto: etova, -mu, ét'em-étom; ж. р. éta и т. д. Сравн. étoj и étoe (род. п.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ e (étot...) произносится средне между палатальнымъ j̯e (j̯éxat') и литературнымъ э (ə).

Наряду съ указательными мѣстоименіями étot, éta, éto, говоръ употребляетъ для указанія болѣе отдаленныхъ предметовъ: on'étot, on'éta, on'éto, состоящія изъ личнаго мѣстоименіи on + указательное (on + étot...). Въ этихъ случаяхъ «е» звучитъ палатально. Сравн. on'et'e m'está, u-on'ét'ef и т. д.

Мѣстоименіе «сей» имѣетъ въ говорѣ равноправное мѣсто наряду съ другими указательными мѣстоим. na s'ej n'ed'íl'e, хотя чаще въ извѣстныхъ выраженіяхъ, какъ-то: s'evó gody, s'evón'i (сегодня), s'ic'ás, s'éos'en'es' (этой осенью) и под. c'éj (чей), c'ìo: c'ievó и т. д.; c'iá, род. дат. тв. и м. c'iój, мн. число общее: c'ijí-c'ijíf и пр.

Sam, samó: samovó и пр.; жен. р. samá: samój при samoé и т. д. Мн. число sam'i—для всѣхъ родовъ,—sam'íf при u-samoíx. v'és, fs'o (s'o): fs'övó-fs'omú, fs'ém и пр.; fs'a-fs'ój и fs'ejé и т. д. Какъ прилагательное склоняются kotóroj, fs'ákoj, édakoj, kažýnoj при kážn'ö(e)j, kol'kój, но kól'ko и др.; при чемъ всѣ они попадаются и въ краткой формѣ: kotóra, edako и пр.

Вполнѣ какъ указательное etot, . . . развивается третье указательное мѣстоименіе tót, ta, to, для событій и предметовъ совсѣмъ далекихъ (Ср. on'étot. . . и пр.), изъ формъ котораго развились слѣды того, что называется «членомъ, — явленіе типичное для многихъ сѣверновеликорусскихъ мѣстностей и особенно сильно развившееся въ нашемъ говорѣ (Ср. Фонетика. § 2). Войти въ детальное и всестороннее изслѣдованіе этого вопроса едва-ли есть возможность; представляется возможнымъ пока только подвести мѣстоименные члены подъ виды общаго употребленія.

Такъ, при имен. пад. ед. числа муж. рода наиболѣе употребителенъ еще старый видъ мѣстоименія -ot, при -ta; напр. pár'en'-ot, kup'éc'-öt, uc'ít'el'ot, t'át'ka-ta и т. д.; при именахъ женск. рода общеупотребительнымъ является членъ — ta: bába-ta, žoná-ta, már'ja-ta и т. д.; для средн. рода—ta, to: guvnó-to, (гумно), oknó-ta. «Членъ» сопровождаетъ не только существительныя, но и другія части рѣчи, — прилагательн., глаголы, мѣстоим. и числит. Ср. on-to, m't'e-to(ta), r'etkó-öt ov'ós-ot, pro-

s'étc'i-to ós'en'i. При им. пад. мн. числа именъ существ. и прилагательн. особенно часто бываетъ членъ—t'e: mužik'í-té, dóbvy-t'e, l'úd'i-t'e, kór'n'i-t'e и т. д. При винительн. пад. ед. числа именъ женск. и въ дательн. мужеск. рода постоянно слышенъ членъ—tu: mámku-tu, mátku-tu, ízbu-tu, g- dómu-tu и т. д. Для твор. и мѣстн. падежей характернымъ является—ta, рѣдко—to: žonój-ta, o-sýn'e-ta, но uc'ít'el'om-t'e, voz'l'e r'ek'í-ta, но uc'en'ikóf-t'e и т. под.

Съ глагольными формами имѣютъ связь помимо члена ta, t'e—частицы и приставки: ko, kos', tko,- pošól-t'e proc', d'e kos'ítta и пр. Ср. zajd'í-ko, ná-tko (бери), užó-tko-t'e (вотъ погоди), nú-kos' (попробуй; пошелъ) и т. д. (См. § 13).

§ 12. Числительныя.

Въ большинствѣ числительныя говора встрѣчаемъ въ формахъ сходныхъ съ литературнымъ языкомъ; такъ напр., od'ín, ono (одно): odnovo | onovo и пр.; женск. род. ona, род. onój,, хотя и odnyé nog'í, odnyó b'er'ózy; вин. onú и пр.; мн. ч. on'é (однѣ)—on'éf-on'ém; во мн. числѣ попадаются и формы съ гласной — i, напр., on'í, однако безъ различія рода. Ср. drugóva, drug'íem m'éstom.

Нѣсколько больше архаизмовъ и уклоненій морфологическаго и отчасти фонетическаго ряда находимъ въ числительныхъ: dva-dvuf при dv'üx xor'kóf; женск. род. dv'é-dv'éx kop'éjok, z-dv'éx storón, дат. dvum, tr'i-tr'of и tr'üf, дат. t'r'ím; c'ötýr'e-c'ötýr'óf-c'ötyr'ím. Сравн. g- d'es'et'ím и др.

Однако сочетаніе этихъ числительныхъ съ существительными и прилагательными соотвѣтствуютъ, повидимому, литературному языку: dva c'ölov'éka, c'ötyr'óf bogátyf par'n'óf и par'n'éj, но tr'úf báp. Или dv'é nog'í, tr'i d'er'évn'i, c'otýr'a porózny d'úpl'onk'i и под., хотя dva pokúpk'i z'd'élal, на tr'i v'örstá d'ál'še, s-ób'e stórony. Ср. § 9—v-dv'éf godáf и др. Также óbojo on'é pošl'i;—ob'éif...

Другія числительныя тѣ же: od'inac'et,—t'i, dv'enatc'et',...

p'etnat'c'et, dvátc'et', sórok, ped̲'isát, šed̲'is'át, s'ém'is'at, (v)o-s'em'is'at и т. д. Склоненіе числительнаго отъ p'ét' проводитъ—і (Ср. Тотемскій говоръ, тамъ также) черезъ всѣ падежи. Для винит. пад. именъ одушевленныхъ имѣемъ: ub'íl p'et'i utok'. Ср. vos'm'i zajc'éj, хотя v'íd'al p'et'báp; также kup'íl p'ét' pudóf, p'ét' ogurc'éj, но p'éd̲'is'at,-p'et'íd'es'et'i и под. Sto въ косвенныхъ пад: имѣетъ sta, въ дат. даже stu. Сравн. p'ét' sót, sót do p'ét'í, sót do dvúf, но dv'és't'i, c'ötyr'esta... týs'ec'a. Въ сочетаніи съ предлогами удареніе почти всегда отходитъ на предлогъ (См. объ этомъ §§ 8 и 14): ná-sto, ú-sta, só-sta c'olov'ékam, ó-sta dúšaf и пр. Собирательныя и такъ наз. «порядковыя» тѣ же находимъ: dvóö par'in'kóf, c'et'v'oro, s'em'oro и т. д., также dvatc'et'oro, tr'ítc'et'oro и под.—pérvoj, ftorój... s'emój, os'mój, p'ed̲'is'átoj; Ср. c'et'v'órto (отдѣленье), p'áto, d'is'áto, vos'emnátc'eto и т. п. Склоненіе ихъ прилагательное; tr'ét'eí gót, род. tr'ét'jova,—jomu; na tr'ét'i̯-ët d'én'-ot и т. д. Ср. f- tr'ét'jom godú, f- próšlýim (lon'ís'). Въ сочетаніяхъ съ—sam, samá находимъ обѣ формы: sam-tr'et'éj; samá-p'áta и др.

Сочетанія съ пол—соотвѣтствуютъ литературнымъ: poltorá n'i (дни), poltorý n'. d'íl'i. Ср. polútoryf pudóf n'e xvat'ílo; s-polpúda búd'ot, или d'év'et s-polupúdom, s-polpúdom и под.

§ 13. Глаголъ.

Существующія формы—тѣ же самыя, что и въ литературномъ языкѣ. Главныя формальныя уклоненія въ глаголахъ сравнительно съ литературнымъ языкомъ, нашъ говоръ допускаетъ только въ формахъ неопредѣлен. наклон., настоящаго врем. 2 л. и въ повелительномъ наклон. 2 л. ед. числа. Въ силу этого обстоятельства, и ввиду фонетическихъ особенностей нашего говора, наиболѣе удобно будетъ распредѣлить весь фактическій матеріалъ на старомъ принципѣ основъ перваго и второго спряженія; при этомъ мы будемъ отмѣчать только глаголы, имѣющіе тѣ или иныя формальныя особенности и не во всѣхъ формахъ, а только въ настоящ. вр., повелительн. накл., причастіи прошедш. вр. страда-

тельн. залога, имѣющемъ особенность употребленія въ нашемъ говорѣ.

Въ особую группу выдѣлимъ глаголы, употребляющіеся въ качествѣ «вспомогательныхъ» при сложныхъ формахъ будущаго и прошедш. временъ.

Совершенно на равноправномъ положеніи, наряду съ «буду» говоръ употребляетъ ímu, stánu, xoc'u nac'nu, poc'nú и др. Форма ịés't' (есть) употребительна только главнымъ образомъ съ значеніемъ имѣется, существуетъ: d'élo ịés', éto on'é i és' и под. Съ отрицаніемъ этотъ глаголъ въ формѣ настоящ. врем. извѣстенъ только въ видѣ n'ét-n'étu. Повелительное часто, být'e pr'i m'és't'e. ímu: ím'oš, «c'ǒvo ím'oš d'élat'-ta». — ím'ot: «da ím'ot l'í zan'imác'i-ta, n'e znáü»; множ. число рѣдко: ím'om, -ím'it'e-ímut. Сравн. «kak poc'nút t'iá búc'kat' (бить), stán'oš s'm'iátc'i,, или nádə výdut' ogón'; прош. вр.: stál'i zdobl'ác'i (снаряжаться), nác'äl'i pótšovat', c'itát' zác'äl'i, p'íxät stál'i, poc'ál baraban'it'; описательн. вид. прош. вр.: vz'ál'i zad'órnul'i; pytál'i rugác'i, c'údac'it' (многокр. видъ); или prišlós' b'éc' (бѣжать) и т. под.

Типы спряженія.

I а. Удареніе на конечномъ слогѣ: t'erú t'er'óš (tr'óš...) t'erút; t'er'í-t'e, nat'ór, nat'ól'i, t'ór-výt'orto. tr'esú... tr'e.'it'é, tr'es'í, tr'ás, tr'. s'.'i, tresti rostr'es'onó. gryzú... gryzýt'é. progrýs, progrýzla. grýs', progrýz'ono. oz'mú, oz'm'óš... oz'mút. oz'm'í-t'e. vz'ál, vz'át', vz'äty, при vz'ány; Ср. výbrano и výbrato отъ брать, výžan., nažáno отъ глаг. жать; говорятъ c'óknut býl (про мячъ), dos't'ižót[1] (догонитъ), rosprok'ínuty (см. роспрокипилъ глазáте); также pr'ivýknuto; kaz'ít—3 л. ед. ч. отъ глаг. kazát', пов. pokáš и т. п. Ср. výloš; pološ и др.; b'er'egù... b'er'ók. b'er'ekc'í и b'er'ec'í; skr'ebú... skr'óp; skr'es't'í. s'kr'eb'oná. oskr'öblá. Ср. s't'er'egú... s't'er'ók, s't'er'okc'í и под.; pr'edú... pr'ejóm прядемъ; pr'ás'; k'adú..., klás'. polóžono; orú, or'óš, orút... orát' (пахать землю); zórano вм. zabrano; tku tc'óš tc'ot... vytc'om.

---

1) Послѣ шипящихъ «о» не напряженное,

tk'i-t'e. tkal. výtkano výt c'ono; sku sk'ôš... rozosk'ót m'ák'i (пироги); skalá, skat'. Ср. šykát'. idu... пов. tupáj-t'e; pót' (подь) и пов. въ формѣ прошед. pošól-t'e próc'; pr'ijd'onó, ijd'onó; буд. pr'ídut; žru. žorùt. zav'edú... zav'ed'it'é, zav'ól. zav'es't'í (пріобрѣсти). Ср. nav'es't'í (прицѣлиться) отъ глаг. nav'edú; n'esú и пр. n'es'it'é, un'es'onó; ср. nakládʼony отъ klas'; zapadú... zapa-d'it'é l'i? zapad'í-t'e. zapás' (перестать) и мн. др.

I б. Удареніе на начальныхъ слогахъ кромѣ 1-го лица: xoc'ú xoš... xóc'it'e, xóc'ut, xot'ét'; пов. п. xoc'í, mogú, 2 и 3 л. moc'í, n'e moc'í... mógut. Неопр. moc'í; n'e moc'í natknuc'a-ta (наткуться); skažý što n'e moc'í, l'ézu, l'íz'oš... l'ézut, n'e l'ís't'e, p'er'el'ézla, l'és' и l'ís't'i (неопр. нак.), mašú mášoš... maxát, maxn'í-tko i na mojú-to kobýlu, ot'éc' d'jákan. Ср. maxáŭ maxáôš... maxát; maxn'í... и т. д.; grúznu... grúz'n'it'e, gruznut' (тонуть); pogrús z'ábnu, z'ábn'oš, z'ábnut', oz'áp; znópko; буд. oz'ebút, t'enú t'án'oš... t'án'it'e, t'enút'; zat'ánuto и мн. др. Ср. m'él'ut-ta, отъ molót' (врать). Несравненно въ большомъ количествѣ формъ и случаевъ представлены глаголы съ основами на jo-je (jo-je) послѣ согласной и особенно послѣ гласной.

I в. Кромѣ отмѣченныхъ приведемъ еще: št'ipl'ú... št'ipl'ít'e, št'ípl'ut, št'ipál, št'ipát', opšt'ípany и ošt'ípany, por'ú. Ср. upór'ut m'ac'óm-t'e (попадутъ); st'el'ú... slát', poslaná, lázaju lázaš... lázajut при láz'ut. Ср. n'e xvas't'át o fs'óm-te, las'-t'e и l'és', lázal'i, lázat', výlazano; otask'ivaju otásk'ivaš... otask'ivajut, otásk'ivaj-t'e; рядомъ формы отъ глагола otášt'ivat': otašt'ivaju, otášt'ony и под. Ср. sprášyvat; kápaju... kápam, c'er'n'íla kápajut. Будущее въ формѣ настоящаго: s'p'étaju s'p'étajôs... -taš, s'p'étajut, s'p'é-taj-t'e, s'p'étano, s'p'état' (украсть); ср. ogláženo (украли, украдено); также измѣняются: d'élaju, št'ólkaju и др. tórkaju... tór-kait'é, tórkn'i, tórknul и tórnul (ударилъ). Xámaju xámaš... xá-mait'e, n'e xámaj, xámat' (зѣвать). Ср. oxótn'ic'aju; zakómat буд. вр. отъ kómaju, šybáŭ... šybáité, неопр. šýpt'i; znáŭ; popadáŭ... popád'ono púloj, padáŭ padáôš... padáŭt, пов. n'e upadáj (книжное вліяніе); неопр. padát', c'itáŭ c'itáôš... c'itáit'e, c'itany. Ср. na-

d'öváü... nad'öváj-t'e; znaü : bóznat' što = изъ Богъ знаетъ; m'etáü... пов.-накл. m'ec'í; ůb'iráü, ůbran; dožynáü, n'edožána polosá; žaláü... žaláit'e; morgaü... morgáj c'äšt'e. Sob'iráü, naiváü-naivát (навивать); gul'áü... zagúlivat; posyláü... póslál; xl'obáü... пов. doxl'ábyvaj-t'e. Или также: p'en'áü...; p'en'áj na s'iá, ga'c'áü (i) и рядомъ g'ic'áü, gac'áöm; пов. gac'áj rob'áta; gac'át' (качать), gul'áü и т. д. Ср. n'e nagul'áls'i, но nažyv'óšs'i—подъ вліяніемъ предыдущей артикуляціи ž — s перешло въ š; pušt'áü pušt'áös... pušt'áüt, pus', pušt'áj, puskáj idút, púšt'ón. Ср. n'e ot'ášt'ivaj, zagon'áü; прич. стр. zágnut. Ср. rozmušl'át' (размышлять); sokrošt'aü sokrošt'áöš... -ut, sokrot'ít' (усмирить): zapr'egáü... неопр. nadə zapr'ec'í, łošat zapr'ežoná, kubyr'áü, kubyr'áöš... kubyr'áit'e, okubýr', okubýr'ílo, kubyr'át' (кувыркать); c'ökáju c'ökájoš... c'ökáit'e, c'okn'í-t'e, rosc'ikál'i. Ср. otc'íknut. Также: bá[j]u, ba[j]öš... bájut, baj-t'e, bájat', bájäno, pobajác'ono. Ср. xoron'áü; kináju при kidáju; dajú, пов. н. daváj-t'es'-ko и мн. др.; kol'éü, kol'éöš... kol'éit'e, kol'éüt, pokol'él xorošén'ko kol'ét' (зябнуть). Ср. br'éü, br'éöš... b'r'éit'e, zabr'íl'i f-saldáty, noc'úju, noc'úöš... noc'újut, но nac'új; um'íu, um'íöš... um'íüt, um'éj-t'e, um'ét', naum'élsy. И наконецъ: p'jú, p'još-p'jút, p'éj — «nán ty p'éj», pojń pojóš... poit'e, p'é[i]t'... up'étoj ur'ádn'ikom-t'e. Ср. kl'ujú, ustajú, kujú... kóval и т. д.

II аб: govr'ú govríš... govr'it'e, govr'át; govr'ít'e, govr'onó býlo, jéžd'u jézd'iš... iéz'd'at, poežd'áj-t'e, но zaét' и zaít' za mnój, pr'iežd'ál, klúšu... klús'ít (чудачить); pólno klus'ít'-ta; rúšu (хлѣбъ), rúšis', otrúš xl'éba; tašt'ú tášt'iš... tášt'at, tašt'í-t'e, tášt'ít', výtašt'ony, kac'ú kát'iš... katát'-ta, kat'í-t'e, kat'ít' (быстро идти). Ср. molc'ú... пов. н. molc'ít'e šýpc'e; val'ú... val'ít, valát, val'í-t'e, val'ít', pr'ivál'onó. Ср. n'e usaml'ú n'e usam'íš, n'e usam'ít' (не сдѣлать какъ хочется); xožú, xód'iš... xód'at, часто xójat и uxójut (См. § 3—о выпаденіи согласныхъ); буд. skožú... skójm. Ср. v'ižu, víš... v'íd'at; doržú... dóržat, но zad'oržan; l'ubl'ú l'úb'iš... l'ub'at, zal'ub'íl; lovl'ú lóiš, loí't'e; ìzlovl'ono. Ср.

ustáit' sóxu; t'erpl'ú... пов. н. prot'ér'p'; ср. zgón' (сгонп); rán'u... rán'-t'e; xoron'ú... soxoróu'ono; sul'ú sul'íš... sul'át, posul'í-t'e, posul'onó, sul'ít' (обѣщать); t'épl'u... zat'épl'i, t'épl'it' (топить и зажечь). Сюда же: stávl'u... stáiš... stáit'; na-távl'ono na stól; v'erc'ú v'ert'íš, v'ért'át, prov'érc'oná dýrka; ryc'ú... ryc'it'é ryc'át, ryc'í-t'e, ryc'ál' ryc'át' (кричать); l'ešt'ú, l'es't'íš l'es't'ít... l'es't'át; пов. н. l'es'tí, l'es' 'ít' (льстить); ul'ešt'onó. Вліяніе основы 1-го спряжен. находимъ: xoc'ú xóc'it'e... xóc'ut; пов. накл. xoc'í, xot'ét'. Ср. výc'äpaju, výc'äp'iš, дальше взяли верхъ формы отъ глаг. výc'äpl'u... výc'epl'it'e, výc'epl'ut; výc'epl'ì-t'..., výc'epal глаза, но výc'ap'il высыпалъ. Ср. b'cgú b'ežýš,.. b'eg'it'é рѣже b'ežyt'é; pr'ib'égla; b'egút, b'eg'í-t'e, pr'ib'ók. Ср. ub'ok, fpr'ók, zapr'ók, но zb'ék, nab'églo; неопр. накл. b'éc', výb'egano. Или будущее въ формѣ настоящ. rospov'édaju, rospov'édaš... но rospov'éd'at, rospov'édal'i; rospov'édana brus'ónka. Ср. n'e xvas't'át, но xvástaš и др.

II в: gl'ejú (гляжу), gl'eíš... gl'eját, gl'í-ko, gl'í-t'e-ko, gl'án'-ko. Ср. n'e bós' вм. n'e bójs'i; gl'ejét'; pogl'ejéla, výgl'ežono; pojú poíš... poit'é, poj-t'e, napój-t'e, poít', napojón, spoít'-skor'-m'ít' nádə и мн. др.

III. Особнякомъ стоятъ такіе глаголы какъ дамъ, ѣмъ, dajú, das'í рѣже daš... dait'e; пов. накл. das'í. Ср. zdas'í? odas'í; также dáko изъ dáj-ko, dad'ono; jém, iés'í, jéd'it'é, неопр. ís'; пов. накл. jes'í, s'jéd'ono. Ср. «Вaучскій» котговоръ, орый совсѣмъ уже не знаетъ старыхъ формъ даси, ѣси; вмѣсто нихъ онъ употребляетъ дашь, ѣшь, дай.

Форма 2 л. настоящ. врем. jés'í распространилась и на прошедшее время: «što-žə, tý, n'e pojes'í?» О явленіяхъ утраты j между гласными нѣсколько было указано въ фонетикѣ (см. §§ 1 и 6). Это правило объ исчезновеніи j между гласными распространяется и на глаголы съ основами jo—je. Приведенный матеріалъ позволяетъ заключить, что междугласное j утрачивается въ положеніи между палатальнымъ слогомъ и слѣдующей гласной, когда на первый изъ нихъ падаетъ удареніе; напр., gul'áu, kol'éu,

um'ii и под.; при томъ же положеніи ударенія, только надъ твердымъ слогомъ, передъ слѣдующей гласной — i̯ неслоговое въ вялой и неакуратной артикуляціи тоже теряется; напр. g'ic'ái̯, zná[i̯]ü, kupái̯ и т. д.; но всегда почти присутствуетъ въ сочетаніи — úi̯u, напр., d'ivúi̯us' (дивлюсь); спорадически появлялось въ случаяхъ какъ bái̯u и нѣкот. др.; зато во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда удареніе передвигалось на конецъ глагола: kui̯ú, или на начальные слоги — sprášyvai̯u и др. — i̯ междугласное выступало ясно. Въ связи съ выпаденіемъ между гласнаго i̯ въ производныхъ глаголахъ на основы jo—je, знающихъ только неударяемое окончаніе, стоитъ указанное въ § 6 явленіе ассимиляціи и стяженія гласныхъ; напр., во 2 и 3 л. ед. ч. въ 1 и 3 мн. при любомъ строѣ рѣчи находимъ: sprášyvaš, — aaš; d'élat, zaoboláс'ivat; dúmam, xorón'ut отъ xoron'ái̯, xoron'áöš и пр.

Для полнаго обозрѣнія глаголовъ приведемъ нѣсколько примѣровъ съ глаголами возвратнаго, средняго и взаимнаго значенія: uc'us' uc'is'i úc'itc'i; неопр. uc'ic'i, uc'ils'y; gožus, góš, god'ítc'i и неопр. god'itc'i (—c'i). Ср. rýba n'er'és't'itc'i, ókun' n'eršýls'i; výr'ed'ítc'i (красиво, баско одѣться); kudý d'éc'i? отъ дѣваться; l'ožus', l'ožýs'i... l'ožýs', неопр. l'ec'i; пов. l'ág'i. Ср. r'ežus', sažús' sad'is'i... sad'átc'a; неопр. s'i(é)s't'i, пов. s'ád'i. Ср. stól xoróš s'ál; d'élo s'álo garázdo xúžə; s'm'iús'... s'm'iútc'i, s'm'iátc'i (-c'i; s'm'iálsy. Ср. pr'iv'érz'ilos' (приснилось), p'er'edral'ís'-to da p'er'ec'epál'is'-ta; vožús' vód'is'i... vód'atc'i, vod'ic'i (нянчиться). Сравн. rugáës'i; bran'íc'i; on p'er'ep'ísyvatc'i p'ís'mam; projm'óms'i; d'ivúi̯us'... d'ivúi̯utc'i (-c'i) moüs'... -s'i; но što ty, m'ílka, s'erd'išs'i; см. výmylsy, vým'ytos', zdób'ilsy отъ гл. zdob'l'áüs, но od'él'is'a, užas'íls'a, soznakóm'ils'a, otjevl'als'a, хотя ul'ep'ílsy, zagos't'ílsy и т. д. Сравн. «Ваучскій» говоръ, который во всѣхъ случаяхъ 2 л. ед. числа наст. вр. даетъ —šy: s'ér'd'išy, безъ исключенія, а въ 3 л. прош. вр. — sy; ср. výmulsy, poznakóm'ilsy, ucýlsy и под., и, конечно, s'm'eöcy; l'ed'ícy (неопр. накл.).

Только форму повелительн. накл. находимъ неизвѣстно отъ какого глагола: sý, sýd'a, такъ, напр., кричать, когда гонятъ корову.

Необъяснимой осталась форма: «on byt'é-l'i znáöt». О прошедшемъ времени можно добавить, что оно наряду съ правильно выражающимся помощью причастія на — лъ, выражается весьма часто черезъ «дѣепричастія»; формы какъ on výp'ifšy, prosnúfšy (-s'), dosýta naéd'onos', tam výjd'ono и под. — весьма распространены въ говорѣ и употребляются охотно. (См. § 14. Синтаксисъ). Сравн. «Тотемскій» говоръ, тамъ очень рѣдки эти формы. (См. Брокъ, 132 стр.).

Отмѣтимъ также особые случаи замѣны прошедш. врем. и будущ. — существительн. и мѣстоимен.; напр., n'e oxóta вм. «не хочется» (n'e xōc_'i), или n'e k-c'ómu, вмѣсто «не замѣтилъ», или jéžel'i tr'éba búd'ot вм. потребуется и под.

Чтобы покончить съ глаголомъ, слѣдуетъ отмѣтить, что глагольныя формы почти безъ исключенія сопровождаются членомъ ta, t'e, частицами и приставками: ko, kos', tko и др.; pošól-t'e von, kak búd'ot žyt'-ta; ná-tko, b'er'í-ko и т. п. (См. §§ 2 и 11).

Часть III. Синтаксисъ.

Едва ли не самымъ сложнымъ вопросомъ въ изслѣдованіи народныхъ діалектовъ являются вопросы синтаксиса. Въ самомъ дѣлѣ, если легко можно слѣдить за отдѣльнымъ звукомъ, изучать его природу во всѣхъ этимологическихъ формахъ, если можно подвергнуть отдѣльное слово физіологическому и морфологическому разложенію и наблюденію, то весьма трудно бываетъ поймать и установить правила синтаксиса живой народной рѣчи. Народная рѣчь текуча и весьма разнообразна, осложняющимъ въ ней моментомъ являются — часто невыдержанность съ логической стороны, забѣганіе впередъ, повторанія, паузы, остановки на полусловѣ, обиліе своеобразныхъ присказокъ въ родѣ: jed'át'-t'e múx'i, núdakət' (ну-дакъ-эть), týs'c'a n'e odná и др., поэтическихъ фигуръ и выраженій; на ея протяженіи пестрятъ цѣлые ряды вводныхъ словъ въ родѣ: голова, пра́вошто, бытéли, знац'итъ, дескать, скадьде, бешь, молъ, эка, экъ-ево и под., которые играютъ важную роль энклитикъ, придаютъ рѣчи описательность, служатъ

опорой мысли, связывая самые разнообразные оттѣнки, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно затрудняютъ установить порядокъ согласованія, управленія и отношенія отдѣльныхъ членовъ предложенія въ цѣлой рѣчи.

Но самымъ важнымъ обстоятельствомъ, при изслѣдованіи народной рѣчи въ ея цѣломъ, является ея неповторяемость. Народная мысль конкретна, она не воспитана, если можно такъ выразиться, въ строгихъ и правильныхъ синтаксическихъ конструкціяхъ, и, разъ высказанная, она уже повторяется въ другомъ сочетаніи, въ новыхъ оттѣнкахъ. Вотъ, можетъ быть, почему до сихъ поръ не составлено ни одного удовлетворительнаго синтаксиса по народному говору. Приступая къ описанію этой весьма интересной и важной части общей грамматики «Уломскаго» говора, въ настоящее время мы однако не въ состояніи представить научно обработаннаго матеріала, тѣмъ болѣе, что прямой задачей нашей было изслѣдовать говоръ, главнымъ образомъ со стороны фонетической и морфологической, поэтому, при описаніи синтаксиса изслѣдуемаго говора, мы не будемъ настаивать на всѣхъ синтаксическихъ категоріяхъ, а ограничимся пока установленіемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ и приведеніемъ небольшого матеріала въ сыромъ, необработанномъ видѣ.

§ 14. Члены предложенія, соединеніе словъ.

При подлежащемъ ставится иногда въ предложеніи мѣстоименіе «онъ»: «a jon l’éb’ed’-ot plyjót sámym s’t’éržn-om»; «oná uéžd’ana lóšat’ta»; «v’ino, ono ból’no udar’át f-gólou». Ср. «éto našo žýto-to», или «n’e xvas’t’át ím ofs’óm-t’e». О сказуемомъ слѣдуетъ сказать, что оно наряду съ правильно выражающимся помощью стараго причастія на — лъ, какъ-то: онъ пошелъ, выпилъ и под., весьма часто, чуть ли не систематически выражается дѣепричастіемъ въ безличной формѣ: on výp’ivšy, ja ustávšy, prosnúfšy, joná uéxatc’i, os’ slomáfšy, ty c’istó, t’ežoló od’éfšy и т. д.; при этомъ чаще подлежащее стоитъ въ родительномъ падежѣ, или вмѣсто личнаго оборота предпочитается безличный; такъ напр.,

u íf nad'él'onos' zdr'á; u jevó uéxano, drugoj gót kak rozojd'onós'; išt'o n'e l'ážono; u-jéj ujd'onó pod'i; u-otc'á na drugój ž'én'onos'; pobajác'ono v'íño vnogo; nýn' napas'onó žal'éza; u-zajc'éj býto; u-volkóf tuta ijd'onó; u-nas s-Vas'íl'jom polóžonos' (сговоренось), u-jevó prostúžonos'; u-nas nagúl'änos' и т. д. Ср. str'áxuutos', nadútos', nadsažanós', nap'ítos'c'áü, dosýta naéd'onos', výspanos'; narobótanos', nagl'ážonos' и мн. др.

Особые случаи замѣны прошедшаго врем. и будущ. при сказуемомъ существительнымъ и мѣстоимен. указаны выше (См. § 13). Нерѣдко сказуемое выражается сложными оборотами вм. простыхъ и обратно: «z-dún'kojsládu n'étu», «a mý-ta stál'i i l'ogl'í u-jevo býl'i» вм. часто бываемъ, «n'e ujd'ót govor'át-ət' nap'isát'-ta», «za s'm'ér't'ju pošl'í dak nažyv'óšs'i u-jevo», или más't'or na kostyl'í, na p'és'n'i l'útaja žónka, kovál'i p'érvo ná tr'i c'ený и т. д. Ср. jon ráduc'is' v'iná-ta das t'ié, или žýuc'i n'e byvalo и под.

Кстати, интересный случай соединенія предложеній: c'äxótkoj xoron'áüt vos'emnatc'et'i godóf.

§ 15. Родъ и число.

Наряду съ указанными выше случаями ассимиляціи родовъ какъ moj potkóf z'el'ónoj jáblok, xoróša put' и др. (См. § 9), находимъ въ говорѣ не мало примѣровъ смѣшенія чиселъ единств. со множеств. и обратно; такъ напр., sán'om proéxalo pó-br'uxu-ta вм. санями; f-grud'áf bol'ít (въ груди), žyt' v-dostátkaf, но búd'en' (будень) и búdn'i при búņ'i, búdn'of, na budn'af k-t'ié zajdú, или n'étu kormóf (корма), za moróškam xod'íl'i, xot'át brus'ónk'i (брусенку) rospov'édat', na konc'i it'í (идти на конецъ), v'ixor'ám žýto fs'o, uéxal na kartoc'k'i s'n'imác'i; или смѣшеніе рода, числа и падежа сразу; «v-dv'éx godáf um'erlo tr'i sýna».

§ 16. Употребленіе падежей и предлоговъ.

Примѣры смѣшенія падежей:

1) При неопредѣленномъ наклоненіи употребляется вм. вини-

тельнаго пад. именительн. въ словахъ женск. рода, напр., nádə fs'a sv'ás' (связь) p'er'eb'irát', dvum c'ölov'ékam oxvat'it' oña ȷ̨él', или top'ít' bájna, nos'ít' vodá, nad'ét' šúba, kos'ít' travá, srub'ít' b'er'oza и т. п.

2) Вмѣсто винительн. падежа имѣемъ родит.: našol gruz'n'a (груздь), s̄-jél gr'ibá, ub'il p'et'í utok (пять), pod'élal by tovo i drugóe.

3) Вмѣсто именительн. пад. при глаголѣ «есть» употребляется родительный въ такихъ выраженіяхъ какъ: na s'v'ét'e fs'ákova naródu ȷ̨es'; slao (слава) bógu ȷ̨es' d'éñ'ok'-t'e u-mn'á (m'in'á); ȷ̨es' u-nas oz'ór fs'ak'if i bol'šýif i málуf и т. под.

4) Смѣшеніе творительн. съ предложн. и родительн. находимъ: okáz'ja výšla o-krúšk'e-ta — оказья вышла съ кружкой; na m'in'á dak ȷ̨oná dažə n'edovól'n'a (мной недовольна).

5) Именительн. и винительн. съ творительнымъ: on'é upra-v'it'el'i byl'i вм. управителями; или pr'iróda v'es'ólaȷ̨a stála вм. веселой; ȷ̨ájc'am katáüt вм. яйца и под.

6) Родительн. съ дательн.: d'é trav'é-ta s'n'át'-ta и т. п.; или род. принадлежности: roñáȷ̨a s'ostrá otc'ú ȷ̨emu.

При описаніи предлоговъ любопытно отмѣтить, что при обозначеніи обстоятельства мѣста на вопросъ куда, съ существительнымъ употребляется преимущественно предлогъ на, а не въ: it'i ná pol'o, na P'és'jo (деревня), ná Sp'irovo (деревня) и пр.

Также не лишнимъ будетъ отмѣтить частые случаи повторенія однихъ и тѣхъ же предлоговъ, указывающіе какъ бы на остатокъ пѣсенной манеры, что весьма гармонируетъ съ вышеуказаннымъ явленіемъ (См. § 2) естественнаго ритма фразы и придаетъ рѣчи особый описательный характеръ.

Приводимъ примѣры: *na* poz'íc'iü na p'er'éd'nuȷ̨u, *s*-t'át'in'koj *s*-tvoím, *na* mñ'é *na* grud'ínu, *po* rúp *po* dvatc'et', *u*-nas *u*samoíx t'ésno, *u*-otc'of *u*-svoíf, *na* zdoróv'jo *na* el'íko, *zá*-xl'ép *zá*-sol, *na* parú *na* báȷ̨onk'e, *zá* pol'o *za* oñó и под.

Что же касается отношенія предлоговъ къ предметамъ и требованія падежей, такъ эти явленія въ говорѣ въ общемъ согласны

съ литературнымъ языкомъ; развѣ нѣкоторымъ исключеніемъ слѣдуетъ сосчитать употребленіе иногда имен. пад. вм. родительн. послѣ предлога u; напр., u-d'er'év'n'a, или u-ʝón-ta i tak vz'áto bylo. Ср. voz'l'e sámoj louškoj вм. возлѣ самой ловушки; nátr'i v'orstá dál'še; s-v'ec'ór s'él f-sat съ вечера сѣлъ въ садъ; smót-r'at sofs'é stórony, z-dv'é storony и др. pr'i-nám, po fs'óm sadú gul'át (гуляетъ), to po-tóm to po drugóm sýnu ɡor'új. и т. д.

Часто употребляется падежъ безъ предлога тамъ, гдѣ мы ставимъ предлогъ: напр., žá'itc'i br'úxom, golovój (онъ), т. е. на головную боль; l'etám-te pr'ežd'áöt, p'is'mam p'er'ep'ísyvaʝutc'i, výr'ed'átc'i c'igánam и т. под.

И обратно: éto zd'élano u-m'in'á, -u-t'iá, kur'ít' f-trúpku, c'itát' f-kn'igu, ʝak-jím n'e kasáüs', pr'i kakój vy dólžnos't'e bú-d'it'e, kras'íf is'iä' (изъ себя), s-l'ic'á и т. под.

Чтобы покончить съ предлогами, укажемъ еще случаи употребленія говоромъ другихъ предлоговъ, сравнительно съ литературнымъ языкомъ: spas'ibo na parkú na báʝunk'e, ígrát v-garmó-n'ju, iz-gólodu um'or, pr'išol iz-ob'édni (ob'én'i), za-d'éfku ga-dáʝom, n'e znáü za-c'em rozošlos' d'élo и т. под.

Наряду съ этимъ явленіемъ находимъ рядъ оборотовъ съ излишнимъ отрицаніемъ *не:* kak i n'e u-vas, ból'še n'e c'em u-t'iá, n'e iz'v'in'ít'e požálusta и под. Сравн. kakój-n'i-na bút' (будь), kakój-n'i-na-ʝes' и т. д.; или n'eftó ʝemu i v'el'él значитъ: никто ему не велѣлъ, n'eštó ʝemu d'iötc'i значитъ: ничего съ нимъ не сдѣлается и т. под.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ качествѣ приложенія я приведу наиболѣе типичныя нарѣчія, которыя употребляетъ говоръ, краткій словарь мѣстныхъ словъ и нѣсколько выраженій и оборотовъ особаго состава.

I. Изъ нарѣчій, нами засвидѣтельствованныхъ въ говорѣ отмѣтимъ:

1) нарѣчія времени: f-tú-poru f-t'é-por, lon'ís lon'í; tovdý, kovdy

ci̯a (на дняхъ), dácic'a-dáec'i, z'ímus', s'éos'en'es', v'ósnus', p'érvo, sp'ervá, onom'ét' (когда-то въ недалекомъ прошломъ) = onógdá, Ср. onom'és', noc'és', nón', nýn', nýn'c'a, s'evógody, v'ec'ór (вчера́, ве́черомъ), pógody и др.

2) Нарѣчія мѣста: s'udý, támo, túto, i̯évond'e, vóno, sýzdal' (издалека), i̯évon otkól'a, sýspodu (снизу) и т. д.

3) Нарѣчія образа дѣйствія: glutnó (хитро), stoskl'ívo, prýtko (шибко), n'ímo, vp'er'ót и vzád'e c'asý-t'e; édako m'ésto (много очень), zdr'á, vzaprávdy(u), l'óga (легко), vbýl'a (вправду), pólo (въ обозначеніи дыры), róvnyško i̯ón, do tovó при превосходн. степ. и др.

4) Изъ нарѣчій количества отмѣтимъ blágo (много), blágo gr'ibóf-t'e nanóšono; но «bólogo» имѣетъ другое значеніе и употребленіе: bólogo usnúl dak n'e bud'í; l'íšku (время лишку), strašóno d'élo kol'ko (очень много), Ср. púšt'e n'e zadaíla by t'iá pol'én'ic'a-ta и под.

Изъ «энклитикъ» находимъ b'éš, вм. «бишь(ъ)».

Необъясненной осталась фраза, высказываемая въ значеніи: «vnogo iz-s'ib'a voobražáöt» — «róvno i n'ít' što dakóe», смыслъ ея равенъ приблизительно: эка, или велика́ ши́шка.

II. Словарь.

a) Слова, относящіяся къ народной этимологіи.

бакéтъ, пакетъ.

безовня́тья, безо-вниманія.

испытáньё, воспитанье; Ср. на испытаньё отданъ.

комендовáлъ, рекомендовалъ.

притвензія, претензія. Ср. притвензіи не несу на ево.

томобиль, автомобиль.

Сенофонъ, Ксенофонтъ. Ср. Аршáва, Варшава́.

упредилъ, предупредилъ.

флукъ, плугъ.

b) Слова мѣстныя.

бóйки, бѣлые грибы.

бо́пка, глава на церкви.

брюнець, ягода въ родѣ вереса.

бабу́шки, игрушки, васильки.

гла́ткой, толстый.

гру́знуть, тонуть.

діуц'е́нно дѣло, удивительное дѣло.

досе́льный, старый, стариный; Ср. досе́льной платокъ.

дю́жая трава, хорошая.

за́большной, настоящій.

зобенька, корзинка; Ср. поро́цька.

здо́билсы, снарядился.

извёлъ деньги, истратилъ.

крезьба́ = кстины, крестины.

кули́га, собранье, сборище въ смыслѣ «подозрительной» компаніи.

крута́я ѣзда, торопливая.

крупко́й, хрупкій.

клу́съ, чудакъ, отъ глаг. клусить съ тѣмъ же значеніемъ.

кура́пки, вязянки домашняго производства.

кате́ць, палка у цѣпа, которой молотятъ.

ло́ньской, прошлогодній.

мураши́, мураше́вникъ, муравьи.

моло́ть, въ значеніи врать, пустое говорить.

мульня́я вода, мутная.

неба́йкой, неразговорчивой.

на́ босу ногу, босой.

оста́тнёй, послѣдній.

оборотёнка, оборотъ плуга при вспахиваніи полосы.

поро́цька, корзинка. Ср. зобенька.

побрати́мко, двоюродный братъ.

прошетцей годъ, прошлый.

пиня́ть, пеня́ть, высказывать обиду.

побаяц'ёно, поговорено вдоволь.

подру́жниця, подруга.

привéрзилось, приснилось.

потка, птичка. Ср. потка фъ-квашóнку попала (разумѣется мышóнокъ).

полúця, полка.

поцéсь, почти.

рáжой, большой, хорошій.

рушить хлѣбъ, рѣзать.

розмýмлять, разжевать безъ зубовъ.

сулилъ, обѣщалъ.

сумётъ, сугробъ.

самоуц'ё́бина, самоучка.

суслоны, груды сноповъ.

sереть лѣта, среди.

ссадúлъ кожу, сорвалъ.

салáшка, шалашъ.

тёпломáтъ, дёпломатъ, длинное, хорошее пальто.

теплилъ, топилъ.

стéржень, фарватеръ рѣки.

цёкалúны, сѣдалины на ногахъ.

цю́ётци, слышится.

цевонеéсёнки, чего-нибудь.

шеменýлъ, шмыгнулъ.

шпынь, взъерошенные волосы.

хáять, хулить.

хáмать, зѣвать.

хáмнулъ, проглотилъ.

Фролы, сдѣланныя, вылѣпленныя изъ тѣста фигурки птичекъ, барашковъ, «коровушокъ» въ честь св. Фрола.

ужы́штё, конецъ веревки.

ýповотъ, мѣра времени.

с) Кромѣ приведенныхъ выше имѣемъ:

1. дѣло мое лишнее.

2. распрокинулъ глаза-те.

3. кузлены люди — негладки.
4. я́готъ наѣлсы — зубы набилъ.
5. наде засвѣтить огонь.
6. мы да́еци такъ прошли —: то да́еци, а топерь-топе́реця.
7. Москоськой игрой играть.
8. Изъ Резани (деревня) всѣ ни́шти прибѣжали.
9. дохля́бывай, а то робети́шки сопляты будутъ.
10. во штя́хъ только премудро́сь онна, а фся си́ла фъ капу́стѣ.
11. ку́риця не птиця, кобыла не лошать, а баба не цѣловѣкъ.

Краткое описаніе фонетики „Ваучскаго" говора.

Можетъ быть изъ всѣхъ разновидностей Новгородскаго нарѣчія въ Череповецкомъ уѣздѣ, «Ваучскій» говоръ наиболѣе полно сохранилъ и рѣзко выразилъ чрезвычайное «оканье» и «твердое» «цоканье». По этимъ признакамъ легко бываетъ распознать «Ваушкова» жителя изъ цѣлой толпы, скажемъ, хотя бы на базарѣ. Недаромъ за «Ваучанами» въ сосѣднемъ съ ними г. Весьегонскѣ, Тверск. губ. установилась кличка — «Вауцкой», или «хорошо такъ хорошо такъ», указывающая на «ц» и закрытое рѣзкое ô. Но рядомъ съ этимъ, количество своеобразныхъ формъ въ говорѣ далеко не преобладаетъ надъ существенными элементами правильной рѣчи литературнаго языка и не подавляетъ ихъ окончательно.

Спокойная повѣствовательная рѣчь ведется плавно, непринужденно, свободно, въ высшей степени просто, безъ витіеватости, безъ періодовъ, безъ длинныхъ предложеній, и только рѣзко выраженная природа звуковъ «о» и «ц» придаетъ рѣчи твердый, настойчивый и нѣсколько, можетъ быть, грубоватый характеръ.

Женщины говорятъ хуже: рѣдкія изъ нихъ вырабатываютъ «удовлетворительно порядочный разговоръ», я разумѣю, конечно, неграмотныхъ и исконныхъ жительницъ; въ ихъ рѣчи меньше последовательности, какое-то забѣганіе впередъ, смѣсь формъ, а иногда просто пауза на полусловѣ съ замѣтнымъ растяженіемъ слога.

Привожу образецъ краткаго діалога:

— «a já, Paraskôv'ja, cəlu kadúšocku nanos'íla s'erúx-t'e, da kadúšocku rýžɔkof, vôt i s'evôn'i, dúmaju, n'e ustr'ápalas' (устряпаться — приготовить все по кухнѣ и домашнему хозяйству), mátuška výn'ot xl'eby-t'e is-p'écy, a ja zam'es'íla kvašônku da i pob'ežála, dúmaju, d'éva, v'ed'orka dva brusn'ícy napaa... [безъ окончанія — r'it']; или: «ódnam'entál'no (моментально) naša ucý-t'el'n'ica zdób'ilas', da kak nacalá proščáccy, dak i zavýla»; или: m'éžy-te — xoš mužýk f-šúb'e i'ožýs' dak n'e v'idaa...[-t'].

Въ «Уломскомъ» говорѣ, какъ я старался раньше показать, удареніе играетъ чрезвычайно большую роль въ фонетикѣ. Его особенная природа придаетъ всей рѣчи своеобразную интонацію. (См. Описан. «Уломск.» говора. § 2).

Что же касается до «Ваучскаго» говора, то въ немъ, насколько мнѣ приходилось, какъ природному жителю этого края, наблюдать удареніе распредѣляется совершенно иначе. Въ немъ рѣчь — вообще спокойная, сдержанная, нѣтъ такихъ рѣзкихъ колебаній въ тонѣ и звучности между ударяемымъ и неударяемымъ слогомъ; выдыхательная сила, разсчитанная на цѣлое слово, какъ бы распредѣляется почти равномѣрно на всѣ слоги, оттѣняя въ длинныхъ словахъ слабое впечатлѣніе второго ударенія. Въ такихъ словахъ какъ: kôlokôl'n'á, záobo'ácyvát, súətr'écən'jó (Срѣтенье), nádvad'is'át j práz'nik и под., я прямо затруднялся, гдѣ мнѣ слѣдуетъ поставить удареніе въ словѣ.

Въ связи съ отсутствіемъ рѣзкой амплитуды въ тонахъ ударяемаго и безударнаго слога, наблюдается въ «Ваучскомъ» говорѣ, въ отличіе отъ «Уломскаго» — второе явленіе, выражающееся въ томъ, что въ немъ, при извѣстной склонности всѣхъ гласныхъ задняго ряда ослаблять вообще въ слогахъ неударяемыхъ свою артикуляцію, все же гласныя неударяемыхъ слоговъ почти не обезличиваются въ звуковомъ смыслѣ; въ немъ менѣе всего умѣстно говорить объ «ирраціональныхъ гласныхъ, или о гласныхъ «нуляхъ», которые являются для многихъ діалектовъ, въ томъ числѣ и для «Уломскаго». И если мы въ такихъ примѣрахъ, какъ: «за-

пéшна бáўшка», «а у Ивана три сына, и всѣ на букву «м» нацинаются: Митрей, Микита и Миколай», обозначимъ въ приблизительныхъ коэфиціентахъ распредѣленіе тона въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ для «Уломскаго» говора, такъ для «Ваучскаго» эти коэфиціенты будутъ совсѣмъ другіе; для Уломскаго:

2 4 1 4 1 1 2 1 4 0 1 4 2 1 4 2 3 1 3
«zap'éšná báŭška»; a u Ivána tr'i sýna i fs'é na búkvú «м»(ы)
2 1 4 1 4 1 2 4 1 0 2 1 3
nac'inájŭtc'i: M'itr'éj, M'ik'ítá i M'ikúláj. Для «Ваучскаго» —
2 3 1½ 3 1½ 1 2 1½ 3 1 2 3 1½ 1 2 1½ 3 2 3 2 1
zap'éšna báŭška, a u Ivánȧ tr'i sýna i fs'é na búkvu «м»(ы) nacy-
3 1½ 2 3 2 1½ 3 2 2 2 1½ 3
nájucy: M'itr'ej, M'ik'íta i M'ikoláj».

Вотъ почему въ этомъ послѣднемъ всѣ гласные звуки произносятся чисто, безъ всякаго призвука, и устойчиво.

Переходя теперь къ характеристикѣ гласныхъ описываемаго говора, скажемъ, что языкъ говора также въ общемъ артикулируетъ болѣе задними частями, хотя какъ будто болѣе подвиженъ и эластиченъ, чѣмъ въ «Уломскомъ» говорѣ; участіе губъ умѣренное, не совсѣмъ аккуратное, «лабіализація» «о» и «u» средняя, хотя эти звуки выходятъ закрытыми.

Изъ звуковъ задняго образованія «u» въ нашемъ говорѣ имѣетъ мало особенностей употребленія: онъ мало замѣняетъ другіе звуки и самъ бываетъ мало замѣнимъ. Такія слова какъ: sus'ét, kuz'má, ukun'ís', ugur'éc, ugorôt, dôx'tur, up'át'— весьма рѣдки. Неударяемое «u» нѣсколько шире ударяемаго и имѣетъ разные оттѣнки напряженія, что не трудно уловить изъ примѣровъ: úgol, úž s't'i, budut, iz-górodu, ôt-rodu и т. д. Изъ другихъ гласныхъ задняго ряда, гласная «о» въ нашемъ говорѣ допускаетъ категорическую разницу съ говоромъ «Уломскимъ».

Въ своемъ описаніи «Уломскаго» говора я указывалъ, что въ словахъ, начинающихся съ ударнаго ó: ótrup, óx'oro, ól'xa, ós'en' и т. п.— ó несомнѣнно напряженнаго образованія, и количественная разница его съ о ненапряженнымъ легко уловима. При тѣхъ же условіяхъ, но съ болѣе закрытымъ оттѣнкомъ произношенія, мы имѣли напряженное ó и въ такихъ случаяхъ: pót, pól, lóp, dóp,

kón', krót, korórka и т. д. Во всѣхъ этихъ словахъ, какъ и въ выше приведенныхъ — ó'oro, ótrup, ós'en'... и др., гласная ó имѣла высшій «собственный» тонъ, сравнительно съ «о».

Въ «Ваучскомъ» же говорѣ, — «о» также несомнѣнно лабіализованная гласная задняя, хотя въ «вертикальномъ измѣреніи» какъ будто ниже средней, и при томъ «ненапряженнаго» образованія. Правда, подъ удареніемъ гласная о болѣе глубокая и закрытая, а въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ и положенія въ закрытомъ или открытомъ слогѣ, она въ говорѣ допускаетъ много оттѣнковъ; такъ, напр., въ словахъ: kartóška, óboloko, dolotó, zobóta, xorošó, ós'en', vnógo synóf и т. д. её нельзя идентифицировать съ «о» въ такихъ случаяхъ, какъ: lôp, dôp, kôl, pôl, stôlp, nôk, pôt, bôr, bôp и т. п.; во всѣхъ этихъ случаяхъ гласная о несомнѣнно болѣе закрытаго звука. Нерѣдко такой оттѣнокъ встрѣчается и въ слогахъ передъ удареніемъ. Но особенно закрыто «о» произносится въ слогѣ передъ согласной «l», какъ-то: pôl, dôl, kôl, côl и т. п., даже и въ слогѣ послѣ l: lôp, lôm..., lôkot' и др.

Отмѣченная здѣсь закрытость гласной ô обусловливается, мнѣ кажется, болѣе закрытой артикуляціей внутри полости рта; при чемъ эта внутренняя артикуляція гласной ô какъ бы адаптируется внутри самой гласной къ слѣдующей согласной «l», которая является въ нашемъ говорѣ глубокаго, какъ бы «гортаннаго» образованія, эта то задняя часть языка при образованіи l своей артикуляціей въ свою очередь рефлектируетъ такія гласныя задняго ряда, какъ «о» или «u» и этимъ самымъ еще болѣе усиливаетъ эффектъ закрытаго положенія при ô.

Принимая это обстоятельство во вниманіе, будемъ употреблять ô въ слогахъ закрытыхъ подъ удареніемъ, даже если бы въ нихъ не было присутствія «l», но помня, что передъ нимъ степень закрытости ô наибольшая. Кромѣ закрытости знакъ ^ надъ ô будетъ обозначать и удареніе. Сравн. ó «Уломскаго» говора.

Наряду съ особеннымъ произношеніемъ звука «о», въ нашемъ говорѣ наблюдается и многочисленность особенностей употребленія его. 1) Звукъ «о» во многихъ словахъ преобладаетъ надъ зву-

комъ «а»; напр., когда стоитъ на мѣстѣ «а» *въ началѣ словъ:* Oks'í..'ja, Okul'ína, Ondr'éj, Ontôn, Ol'o s'éj, Ol'óksánt, Ofonás'ej, opt'éka, okušérka, okurátno, при vokurát, on'ís, v-oltar' и мн. др., хотя anbar, atlás, aržanój и др.; *въ срединѣ:* tor'élka, kolóša, toncovát', krošná, záftrok, robóta и т. д., хотя kar'éta, lanpátka, kanát, garmôn'ja, tvarôk, paraxôt, zabôr и др.; *въ окончаніяхъ:* bat'uško, Ivánuško, d'éduško, sapožýško и др. 2) Во всѣхъ словахъ, гдѣ имѣется окончаніе «-аго», исключительно произносится «-ova» и «-ovo». 3) Точно также «о» имѣемъ въ словахъ: rozgovôr, roz'b'irát', roscót, ros'éät', rozvoz'ít', robôtnik, rozum'éecy и т. д. 4) Зато вездѣ «а» будетъ въ такихъ случаяхъ какъ: zamorážyvat', podzadár'ivat', zarobátyvat', ustráivat', uspokáivat', prostrácyvat', zav'ártyvat', zat'ásyvat' и т. д. 5) Звукъ о нерѣдко служитъ замѣной звука «е» въ словахъ: iščó, mámon'ka, Om'el'jan, Ol'óna, Ovdôt'ja, rob'ónok, top'er'eca, na od'in'e и т. д.; послѣ «шипящихъ» звуковъ въ словахъ: žoná, nasážono, polóžono, cášok, šoluxá, žostókoj (жесткій), užo, colovát', colov'ék и т. д.

Что касается другихъ гласныхъ задняго ряда и звука «у», то нашъ говоръ не представляетъ какой-либо замѣтной разницы, развѣ только звукъ «у» въ положеніи послѣ шипящихъ будетъ совершенно задняго образованія: žýto, šýlo, ščý, cyd'ít' и под.

Изъ гласныхъ передняго ряда, высокая гласная і въ нашемъ говорѣ также не различаетъ категорическихъ оттѣнковъ. Ее нужно опредѣлить вообще какъ «напряженную, особенно подъ удареніемъ. «і» находимъ на мѣстѣ стараго и, і: ov'ín, klus'ít' (чудачить), ínace, zvon'ít, poxoron'íl, ostr'ík и т. д.; на мѣстѣ стараго «ы» послѣ гортанныхъ: badag'í (палки), vozl'e r'ek'í, mužyk'í и т. п.; никогда не находимъ на мѣстѣ стараго «ѣ», вопреки «Уломскому» говору; ср. также «Тотемскій»; вообще звукъ «і» не употребляется вм. «е», за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ и то въ ослабленныхъ слогахъ въ родѣ nadvad'is'átoj, s'inokôs, хотя s'ív'erko, ís' (ѣсть), или вм. «ё» (о), когда произносятъ: n'es'it'é, dait'é, d'er'it's', klad'it'é и т. под.

Вторая гласная передняго ряда «е», со стороны своего каче-

ства, заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Для «Уломскаго» говора мы отмѣтили два é, е. Въ слогахъ подъ удареніемъ é отличалось особенно узкой, а потому и передней артикуляціей, такой звукъ приближался сильно къ группѣ і, особенно въ закрытомъ слогѣ передъ палатализованной согласной. Сравн. d'én', dv'ér', xm'éil', s'v'ét и т. д., или даже: gr'íšn'ic'a, v'ín'ik, s'ív'ér, s'ít' и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ степень напряженія é безъ сомнѣнія была сильнѣе обыкновенной для гласнаго говора, мы даже назвали гласную въ этихъ условіяхъ прямо «напряженной». Обращаясь къ той же гласной «е» въ «Ваучскомъ» говорѣ, её слѣдуетъ характеризовать болѣе открытой и широкой, и никогда не переходящей въ і, гдѣ бы мы ее ни взяли, кромѣ указанныхъ исключеній.

Однако, едва-ли какой иной звукъ имѣетъ столько видовъ разговорнаго употребленія въ нашемъ говорѣ, сколько — е. Подъ удареніемъ передъ палатальной согласной въ такихъ случаяхъ какъ f-sámom d'él'e, d'ét'i, d'év'er', d'év'e, [но d'éfka], xl'éb'ec, m'éticy (цѣлится),, n'ed'él'a, v'én'ik, m'él', b'el' и т. п.—«е» отличается узкой и передней артикуляціей, а потому звучитъ палатально.

При томъ же условіи въ закрытомъ слогѣ: m'edv'ét', s'és', z'd'és', s'ét', d'én', z'v'ér', n'e v'ér't'e, t'én', dv'ér', pl'ét' и т. под.— степень напряженія какъ будто сильнѣе обыкновенной, но «напряженной» эту гласную въ «Ваучскомъ» едва ли можно признать. Въ концѣ слова, или передъ «твердой» согласной, все равно подъ удареніемъ или неударяемое, мы находимъ е болѣе широкое и открытое и, слѣдовательно, менѣе палатальное: ná-s'en'é, f-pól'e, n'étu, d'élo, s'éra, v'etrý, Volod'ím'er, čep, šes', v'edró и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ природа и произношеніе гласной е приблизительно таково, какое мы имѣемъ, примѣрно, въ литературномъ произношеніи въ словахъ: сцена, курьеръ, пакетъ, вселенная и т. под. Зато въ началѣ слова «е» произносится почти какъ исконное славянское, т.-е., съ ị впереди, какъ и въ «Улом-

скомъ» говорѣ: ḙel', ḙétot, ḙévoḁ-d'e, ḙédak, ḙél, ḙéxat' и т. д., но éta (въ смыслѣ тогда)—е широкое, непалатальное, почти э.

Звукъ е часто служитъ замѣной «я»; такъ, напр., vz'elá, p'etnó, ḙezýk, v'ezát', s'v'etój, d'és'et', d'év'et', p'etacôk, záec, r'eb'ína и т. п. Въ иностранныхъ словахъ характерно употребленіе звука «е» вм. «и». Часто говорятъ: van'él', kodr'él, kaz'en'ét, b'íbl'eḁa и т. д.; но p'inžák при sp'inžák. Въ окончаніяхъ словъ на «-ій», «-ей» вм. «-ій», въ родѣ: Vas'íl'ej, Gr'igôr'ej, Evd'én'ej, M'ítr'ej; также p'exát' вм. «рихать», *срав.* «е» вм. «и», и въ окончаніяхъ именъ жен. р., предл. пад., напр., na pos't'él'e, na gacél'e и т. п.

Чтобы закончить обзоръ гласныхъ, укажемъ еще на два явленія въ говорѣ: на полногласіе и стяженіе гласныхъ. Условія стяженія гласныхъ тѣ же, что и въ другихъ діалектахъ, т.-е. выпаденіе передъ гласной неслогового ḙ и затѣмъ уподобленіе гласныхъ; указать можно на нѣсколько примѣровъ: dúmat, dúmam d'élat, dáko, pod'óm и т. под.

Въ отношеніи къ полногласію нашъ говоръ слѣдуетъ болѣе за литературными формами и своеобразія допускаетъ мало, въ родѣ того какъ: óbolokó, v'er'edá (вредъ), p'er'ep'irácy, Volod'ímo°r, bologo (благо), или въ морфологическихъ формахъ: môxu, iz-rôtu, páxn'ot, do potolôka, lôba, l'ubôv'i и т. д.

Въ области употребленія гласныхъ слѣдуетъ еще отмѣтить пропуски и вставки. Пропуски бываютъ въ началѣ словъ: m'en'íny, r'estánt, L'izav'éta, Isús, b'es-c'er'edú, kôlo, Nátôl'ej, Erusal'ím, pál; въ срединѣ: známo, cer'ómxa, púgv'icy; въ концѣ: pol'íca вм. «полиція», vopc'é, sopcá, útr'e (утомъ) и т. д.

Подобно пропускамъ и вставки гласныхъ бываютъ въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ словъ: 1) aržanáä muká, iz'm'eščát' (мстить), voftôr'n'ik, opôs'l'e, onom'ét' (когда то-тогда) и т. п. 2) z'v'izdanút', r'ezanút', borodoícyna (бородавка), otopral (отперъ), rozos't'el'ú и т. п. 3) tákcyḁa (такса), z'd'és'a, vôno, kol'í (когда)= коль, vr'edá (вредъ), zadarmá, nón'ecy и т. под.

Согласные звуки нашего говора въ своей артикуляціи не пред-

ставляютъ крупныхъ принципіальныхъ различій отъ литературнаго языка, но они отличаются какъ будто большей аккуратностью, сравнительно съ говоромъ «Уломскимъ». Случаи утраты ихъ менѣе часты и падаютъ главнымъ образомъ на губныя и зубныя, напр. передъ звукомъ u: d'éuška, golôuška, žyút, zoút, gl'eǫú..., и при комбинаціи согласныхъ. Здѣсь нашъ говоръ раздѣляетъ тѣ же правила о согласныхъ, что и говоръ «Уломскій», а именно: онъ не терпитъ большого скопленія согласныхъ и выходитъ изъ этого положенія или потерей изъ группы нѣкоторыхъ согласныхъ, или для легкости произношенія одну изъ согласныхъ палатализуетъ, особенно сохраняется древняя мягкость передъ суффиксами: ск, ств; такъ находимъ: ráz'e, zdrástuj, nutr'enój žar (хотя) stolknúlsy, zožát', s'emôj, gvoz'jó, nastr'écu, takôs'koj, moskôs'koj ǫáblok, cár's'koj, čár's'vo (царство), mus'kój, lôn's'koj, z'ém's'koj nacáln'ik, v'ér'x, žen'ščyna и т. д., хотя vôs'p'ica (оспа), vóstroj. Точно также сочетаніе t + s, d + s въ говорѣ перешло въ c; ср. «Уломское» c'; zavôckoj, l'uckój, d'is'áckoj, sôckoi и т. п.

Звонкія согласныя въ концѣ слова также теряютъ не только свою голосность, но часто и всю артикуляцію: l'ubôf, brôf, krôf, godôf, dvorôf, óstrof, bôp, dôš, dôp, rúp, osmôt и др. Въ концѣ слова говоръ потерялъ также t сочетанія st; такъ, напр., xvôs, kr'és, dás, gôs' и т. д. Столкновеніе звуковъ d и t приводитъ къ произношенію съ однимъ закрытіемъ и взрывомъ: s'át̄udá (сядь-туда), bút̲'e pr'i m'és't'e... Точно также при образованіи долгихъ согласныхъ мы не наблюдаемъ новыхъ группъ, сравнительно съ «Уломскимъ» говоромъ, и аккустическій эффектъ при удлиненіи получается тотъ же, т.-е. при длительныхъ удлиняется самый шумъ (n̄, s̄ и др.), а при мгновенныхъ (t̄, d) — пауза передъ взрывомъ, а сама долгота построена на такомъ же принципѣ слитія двухъ элементовъ, которые или уже раньше тождественны (t + t, n + n...), или же сначала подвергаются уподобленію (s + z, t + d, b + m, d + n...). Случаи перваго рода: os'ôn̄oj, kažýn̄oj, ras na ǫétom m'és't'e, os'ín̲'ik, ot̄ôl', on'ét̄a и др.; второго рода: ros̄ôl, z̄ádu, odoxn'í, b'estýžy glázy, dvác̄et', proxlaždác̄y, s̄ yt'jom (съ

шитьемъ), bestýn' k, omén (обмѣнъ) ə́dakoj, omorόz'it', lokoj na pom'ín'e, buxόnoj m'ákoj (хорошо испеченный, рыхлый пирогъ), ron'ik, n'óm-t'e и т. под.

Сопоставивъ отмѣченные случаи съ такими какъ: ov'ét вм. «обѣтъ», nášova, dóbrova, tvoevó, tovdá, kovda. Ср. «Уломскіе»: kovdý, tovdý; также: g-d'ér'eu, g-dómu, g-žyt'jú, d'e вм. гдѣ, enorál, p'én'z'ia, durnój karáxt'ir, páska, básko, lanpas'éä, slobóda, prôlup, ar'endát'el, s'ekl'etár', n'é co (нé чево), sumlóvácy (сомнѣваться), g-d'es'et'ím, lánpa, túnba, n'ímo, jármanka, špan'éry (обои), skrôs', skroznój v'ét'or, b'il'izácyja (мобилизація), ažyn'er (инженеръ), prozdravl'át', mart'iál, pósnoj, glonúl (немного выпилъ), strám, strúp, n'eštó, kon'éšno, pr'ivýšno, ks't'ít', l'okcy spát', prós'l'iznúlsy, buldýr' || voldýr' (болѣзненное вздутіе кожи), ágl'ickoj (англійскій), M'edós'ej (Модестъ), Frôl, potkóva, жен. рода, или sucús' br'úxom (болитъ животъ), skucáü úxom (болитъ ухо) и т. д., можно видѣть, что все богатство и разнообразіе фонетическихъ формъ и новообразованій въ нашемъ говорѣ развивается по тѣмъ же общимъ законамъ народныхъ діалектовъ и народной этимологіи.

Несравненно болѣе существенныя, категорическія и принципіальныя различія нашъ говоръ допускаетъ въ характерѣ употребленія «шипящихъ» согласныхъ. При описаніи «Уломскаго» говора я старался показать, что онъ совсѣмъ не знаетъ такихъ шипящихъ литературнаго языка, какъ ч, ц, щ. Старые ч и ц въ немъ совпали въ одинъ звукъ, передаваемый с', природа котораго настолько палатальна, что заднія гласныя а, о, u и у—подъ вліяніемъ предшествующей «мягкой» согласной с' получали болѣе переднюю артикуляцію. «Щ» въ «Уломскомъ» говорѣ мы находили въ сочетаніи, отдѣльные элементы котораго š и t' (š't'), при чемъ š' въ этомъ сочетаніи подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной t' болѣе передняго образованія, чѣмъ š свободное.

Нашъ же говоръ изъ «шипящихъ» согласныхъ не знаетъ только звука «ч». Зато звукъ «ц» въ немъ пользуется широкимъ распространеніемъ. Всѣ отъ мала до велика, мужчины и женщины

употребляютъ его тамъ, гдѣ ему, такъ сказать, полагается: cár', cv'ét, c'éloj и т. д.; вездѣ вмѣсто «ч», котораго совершенно нѣтъ въ произношеніи, за исключеніемъ, конечно, подрастающаго молодого поколѣнія: cáj, côrt, covó, p'éc, dôc, nôc, cýsto, poceѣ' (почтить), pocki (почти), perecкli (пересчитали), срв. tr'ëf p'er'ec'es' ne dal (очень торопилъ) и т. д.; въ глагольныхъ окончаніяхъ неопр. накл. и изъявительн. 3 л., однимъ словомъ, на мѣстѣ «ться», «тся»: drácy-d'er'ócy, rugácy-rugáócy, borôcy-bór'ocy, gál'icy (смѣется и смѣяться) и т. д.; даже въ серединѣ словъ, какъ я указалъ, изгоняются сочетанія «тс», «дс», чтобы замѣнить ихъ звукомъ «ц», поэтому говорятъ: d'is'áckoj, sóckoj, zavóckoj, gorockój и под.

Что касается артикуляціи «щ», то въ нашемъ говорѣ находимъ какъ представителя «щ» сочетаніе, отдѣльныя части котораго во 1-хъ š—задняго образованія и потомъ č—тоже заднее (šč); при чемъ, если мы искусственно разложимъ сочетаніе šč на составные элементы, то вторая часть его, т.-е. звукъ č, взятый въ отдѣльности при взрывѣ своемъ оставляетъ впечатлѣніе особой густоты и «пухлости». Образуемое такимъ образомъ звуковое сочетаніе, въ артикуляціонномъ отношеніи соединяется вполнѣ съ категоріей š, ž; послѣ него мы находимъ «y» а не «i»: ščy, jášč k, ščypat' и пр. Ср. «Уломскія»: št'í, jášt'ík, št'ipát' и пр.; ə (э) вм. e: tôlščə, ščədroj и т. д.; полный переходъ e—ö въ o: polôščoš, dom'íščo, iščó и т. д.

Въ сущности всѣ шипящія описываемаго говора принадлежатъ къ заднимъ («твердымъ»), что весьма ясно слышно изъ произношенія. Непосредственно послѣ š, ž, c—поэтому находимъ вм. «i»—«y» съ заднимъ оттѣнкомъ: šýlo, žýto, žýla, cynóvn'ik, molcý; e—ö, развившееся въ o: šôl, žôltoj, covó, côl (пчелъ), «ə» вм. e: cəfká, cəp, žə́mcuk, šəstój и т. д., хотя žen'ščyna, žer'eb'ónok, žes't'ánka, но тутъ имѣетъ вліяніе на шипящую черезъ гласную и слѣдующій палатальный слогъ.

Такое заднее положеніе языка легко дѣйствуетъ и на окружающіе звуки. Особенно интересное наблюдается явленіе въ со-

четаніи žd, гдѣ послѣ d слѣдуетъ какая-либо гласная передняго ряда: ì, е, или ä, передъ которыми палатализація, съ своей стороны, старается вызвать дорсально образованное d. Но навстрѣчу, и какъ бы въ противовѣсъ этой палатализаціи на d дѣйствуетъ звукъ ž задняго образованія, который, въ свою очередь, оттягиваетъ d назадъ и этимъ самымъ затрудняетъ его дорсальное образованіе.

Въ «Уломскомъ» говорѣ, въ данномъ случаѣ бралъ верхъ моментъ палатализаціи, и мы имѣли формы — podožd'í, poežd'áj; въ нашемъ говорѣ беретъ верхъ другой принципъ, въ результатѣ чего въ этой группѣ получается звукъ новаго образованія, нѣчто въ родѣ фрикативнаго d̦č, а вся группа въ точной транскрипціи изображается приблизительно такъ: šžd̦č (съ постепенными переходами), значитъ этимологическая форма тѣхъ же словъ воспроизведется такъ: podošžd̦čý, poešžd̦čáj и под. Надо сказать, что звукъ d̥ въ этой группѣ едва уловимъ для аккустическаго впечатлѣнія, онъ какъ будто теряется въ этой «шипящей» массѣ; ближе и теснѣе всего онъ сливается съ послѣднимъ звукомъ č, образуя съ нимъ какъ бы «согласный» дифтонгъ d̥č и препятствуя произвести полный аккустическій эффектъ, этому звуку свойственный.

Вотъ, приблизительно, въ общихъ чертахъ данныя изъ фонетики говора, подъ которымъ объединяются мѣстности, граничащія по рѣкѣ Мологѣ съ Весьегонскимъ уѣздомъ, Тверск. губ.

Этотъ говоръ я назвалъ «Вауческимъ» по центральному мѣсту всего этого края. Немного особенностей языка отличаютъ нашъ говоръ отъ описаннаго мною «Уломскаго», но всѣ отмѣченныя явленія настолько разительны и категоричны, что позволяютъ пріурочить ихъ къ особому отъ «Уломскаго» говору и даютъ мнѣ основаніе провести между говорами границу.

Не только явленія языка даютъ мнѣ основаніе провести эту границу по лѣсной за́сѣкѣ (пролегающей между деревней Рамененьемъ и Старымъ Николой), но её въ значительной степени подтверждаютъ и другія данныя, чисто этнографическаго характера.

Видимо въ исторической жизни южной части нынѣшняго Череповецкаго уѣзда былъ такой моментъ, который по разному рѣшилъ судьбу «Уломскаго» края и «Ваучскаго»,—къ этому теперь и перейдемъ.

Краткая этнографія говоровъ „Уломскаго" и „Ваучскаго".

Въ своемъ этнографическомъ обозрѣніи края я не буду останавливаться на древнѣйшихъ временахъ всей мѣстности Череповецкаго уѣзда, нѣкогда принадлежавшей къ предѣламъ Бѣлозерскимъ. Какъ извѣстно — «вся эта мѣстность была заселена финскими племенами «Чудью» и «Весью», впослѣдствіи вытѣсненными при-Ильменскими Новгородскими славянами, а отчасти слившимися другъ съ другомъ. Многоводная рѣка Шексна, протекающая Череповецкимъ уѣздомъ, служила торнымъ путемъ, соединяющимъ Бѣлое озеро или «Весь» съ рѣкою Волгой, по которому въ древнія времена имѣли передвиженіе финскія и славянскія народности, осѣдая по бассейну р. Шексны и ея мелкимъ притокамъ. Слѣды этихъ финскихъ аборигеновъ сохранились и теперь въ слѣдующихъ названіяхъ: приходъ Чудь, Шухободской вол., Среднія Чуди и Заднія Чуди Горской волости. (По древнимъ рукописямъ изъ писцовыхъ книгъ 1622—29 гг.—эти послѣднія: «Якунина Чудь» и «Мирита Чудь»)». Ср. также «Ваучь», «Сіучь», «Уйта» и др.

Далѣе, многія названія селеній въ уѣздѣ, какъ напр., Луковецъ, Дѣдовецъ, Бра́товецъ, Юрьевецъ, Хота́вецъ, Жѐрновецъ и Плота́вецъ, вѣроятно прежде имѣли окончанія—«весь», но съ теченіемъ времени для звучности произношенія приняли окончаніе—«вецъ» [1]), какъ и названіе г. Черепо*вецъ* выводятъ изъ Черепо*вéси*,—вéсь [2]). Но не эта старая эпоха насъ будетъ интересовать. Точно также для насъ въ настоящее время не важны и тѣ обстоятельства, «что среди Череповецкихъ мѣстныхъ словъ

1) См. *Сборн. II-го Отд.* Р. Яз. и Сл. Им. Ак. Н. 1910 г., т. 87, стр. 5.

2) Соболевскій. Изъ лекцій по исторіи русск. яз. 1907 г., изд. 4. См. Московская грамота 1496 г.

встрѣчается много словъ несомнѣнно финскаго, тюркскаго и древнеславянскаго языковъ[1]), и то, что населеніе Череповецк. уѣзда, находясь почти въ срединѣ между «Бѣлозерской Половиной» и «Тверской» одного изъ владѣній Великаго Новгорода — «Бѣжецкой Пятины», изстари подвергалось всяческимъ бытовымъ воздѣйствіямъ, такъ или иначе отразившимся на народномъ говорѣ и вѣрованіяхъ. Все это условія древнія и явленія общія для всего уѣзда, это, такъ сказать, эпоха общаго Череповецкаго праязыка, наряду съ которой для насъ гораздо важнѣе новѣйшія историческія и этнографическія данныя изъ жизни и быта отдѣльныхъ мѣстностей Череповецкаго уѣзда; — къ нимъ теперь и перейдемъ.

Череповецкій уѣздъ занимаетъ сѣверо-восточную часть Новгородской губ. и граничитъ съ Бѣлозерскимъ, Кириловскимъ и Устюженскимъ уѣздами Новгор. губ., Моложскимъ уѣзд. Ярославской губ., Вологодскимъ уѣзд. Вологодск. губ. и Весьегонскимъ уѣзд. Тверской губ. «Ваучскій» край обнимаетъ собою мѣстности, граничащія по рѣкѣ Мологѣ съ Весьегонскимъ уѣзд. Со стороны языка мнѣ удалось обслѣдовать пока въ немъ только одну Горскую волость. Въ выпискѣ съ писцовой книги 1628—29 гг., хранящейся въ Николо-Раменской церкви Горской вол., а также въ церковныхъ подрядныхъ записяхъ отчасти XVIII, частью XIX вѣк., находящихся при Ваучской церкви, значится, что эти приходы вмѣстѣ съ селеніями Весями и Ёгнами, нынѣ г. Весьегонскъ Тверск. губ., были вотчиной Ставропигіальнаго Симонова Московскаго монастыря. Потому ли, что крестьяне названной мѣстности были монастырскими, или почему другому, но фактъ тотъ, что они строже, чѣмъ «Уломскіе», сохранили главную черту ихъ говора, т.-е. «цоканье», происшедшую отъ ихъ предка — древняго Новгородскаго говора[2]).

Въ культурномъ отношеніи они тянули, повидимому, сначала къ торговымъ селамъ Весямъ и Ёгнамъ, позже къ Весьегонску, и совершенно были разобщены съ «Уломскимъ» краемъ. Старо-

1) *Живая Старина*, вып. III и IV, 1898 г., стр. 393.
2) *Живая Старина*, вып. II, 1892 г., стр. 9.

жилы и понынѣ увѣряютъ, что лѣсная засѣка, указанная нами выше, была границей, за которую «рѣдко кто переходилъ», и «за которую никогда не выдавали дѣвицъ въ замужество» изъ «Ваучскаго» края. Видимо «Улома» жила своей особенной жизнью и культурная тяга у ней была, по нашимъ соображеніямъ, къ Устюжнѣ Желѣзнопольской.

«Улома» расположена по берегамъ рѣчки Уломки, на мѣстѣ ровномъ, боровомъ и сухомъ. Рѣка Уломка беретъ начало изъ оз. Уломскаго и впадаетъ въ рѣку Кондашку, имѣющую сообщеніе съ рѣкой Шексной. Берега рѣчки Уломки мѣстами плоскіе, мѣстами возвышенные; вода въ ней грязная и болотистая. Въ рѣчкѣ иногда находятъ остатки истлѣвающихъ отъ времени невѣроятной длины и толщины дубовъ. Откуда они взялись и какъ попали въ рѣчку, никому неизвѣстно, слѣдовъ, гдѣ они росли въ древности, не видно. Грунтъ почвы песчаный, мало плодородный, мѣстами пролегаютъ «ольшины», низины и мхи. «Улома» расположена верстахъ въ 40 отъ г. Череповца; въ 5-ти верстахъ отъ нея пролегаетъ большая дорога — «Вологодскій» трактъ.

Двѣ мѣстныя поговорки: «Улома желѣзная, а люди каменные» или «Улому къ Петрову дню вѣтромъ шатаетъ» прекрасно характеризуютъ весь «Уломскій» край, населеніе котораго изстари занимается желѣзнымъ производствомъ и преимущественно «выковкой» различныхъ сортовъ гвоздей, и свидѣтельствуютъ о выносливости и тяжеломъ трудѣ кузнецовъ, работающихъ отъ 16 до 18 часовъ въ сутки.

Любопытно отмѣтить, что та же самая поговорка характеризуетъ и Устюжну «Желѣзнопольскую» —«Устюжна желѣзная, а люди каменные».

Въ связи съ «ковкой» гвоздей неразлучно идетъ другой промыселъ — заготовка угля, черезъ «моренье въ морянкахъ». Ср. mor'ánku klas' n'e mol'ítvu tvor'ít' (—значитъ трудно).

Вторая пословица говоритъ о недостаткѣ своего хлѣба, который приходится почти всѣмъ покупать, а нѣкоторымъ даже съ осени или съ начала зимы; на круглый годъ своего хлѣба мало

кому хватаетъ. Записи «Уломской» Троицкой церкви и устныя преданія свѣжо хранятъ память о времени крѣпостного права и называютъ своими «владѣтелями» кн. Щербатову и Голицыныхъ...

Старики разсказываютъ, что крестьяне были помѣщичьи, но барщины не несли, а платили оброкъ, который они доставали тяжелымъ «кузленымъ» ремесломъ. «Кузломъ» занимались почти всѣ жители, и въ настоящее время можно «замѣтить» цѣлые посады кузницъ, хотя ремесло это въ значительной степени падаетъ съ развитіемъ машиннаго производства; при чемъ мужики ковали, а бабы «дули за нихъ въ мѣха», каждая за своего по очереди. Позднѣе, лѣтъ 100—80 тому назадъ, народился новый соціальный слой, такъ наз. хозяевъ, которые прежде были такими же крестьянами, а въ настоящее время уже присвоили себѣ названіе купцовъ; они закупали желѣзо на разныхъ заводахъ и раздавали его для расковки кузнецамъ.

Мнѣ кажется, въ этихъ, сравнительно новыхъ данныхъ этнографіи и исторіи края и слѣдуетъ искать тѣ условія, которыя дали характерныя и типичныя явленія языка «Уломскаго» говора въ отличіе отъ «Ваучскаго». Историческія данныя указываютъ, что изъ мѣстностей нынѣшняго Череповецкаго уѣзда во второй половинѣ XVIII в., южная часть уѣзда, въ томъ числѣ значитъ и «Уломскій» край, кромѣ «Ваучскаго», принадлежали къ Углицкому, Пошехонскому и Ростовскому уѣздамъ Ярославской губ. [1]). Если съ этимъ свидѣтельствомъ сопоставить то обстоятельство, что помѣщики, имѣя въ разныхъ губерніяхъ крестьянъ, переселяли ихъ съ мѣста на мѣсто, и совершенно опредѣленное показаніе, что одно изъ селеній Уломской волости составляло часть вотчины, находящейся въ Пошехонскомъ уѣздѣ, то является возможнымъ предполагать, что палатализованное ц' (c'), и «шт'» (št') вм. «щ» (šč), и замѣна звуковъ ѣ, е, черезъ «и» (i) «Уломскаго» говора, вырабатывались отчасти подъ вліяніемъ и при содѣйствіи другого говора, или эти явленія восходятъ къ той общей эпохѣ,

---

1) Новгородскій Сборн., вып. V, 1864 г.

которая дала аналогичныя явленія въ другихъ сосѣднихъ говорахъ. Сравн. факты языка, наблюдаемые въ Ярославскихъ говорахъ: «цясъ», «цебукъ» и др., или «дитушки», «дирево» и под., хотя рядомъ «чюжанинъ», «косынькя», «момонькя», «послушайкё» и др., (ср. «Уломскіе» только: «кѣсто», «ишкё»)[1]); явленія, которыхъ совсѣмъ почти не зарегистрировано въ «Уломскомъ» говорѣ, но это могло быть результатомъ своеобразныхъ условій изъ жизни Ярославскихъ говоровъ

Что же касается второго характернаго и типичнаго явленія въ «Уломскомъ» говорѣ въ отличіе отъ «Ваучскаго», явленія, касающагося особеннаго характера ударенія, а въ связи съ нимъ и общей интонаціи рѣчи, то чрезвычайно соблазнительнымъ является поставить эти особенности, ту мѣрность и рубленность рѣчи, тѣ выдыхательные толчки, нажимы и порывы слоговыхъ усилій словъ при распредѣленіи экспираціонной энергіи, которые характеризуютъ говоръ, въ нѣкоторую обусловленную зависимость отъ напряженнаго удара молотка, силою котораго «уломецъ»-кузнецъ разсѣкаетъ каленое желѣзо на своей «бабкѣ».

---

1) «Ваучскій» говоръ совсѣмъ не знаетъ перечисленныхъ явленій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
